СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2012 | апрель

интеллектуальный диалог

Фото Г. ДАДАШОВА

МОИ ГОДА: ОПРЕДЕЛЯЮТ ЛИ ВОЗРАСТ И ЭПОХА

характер, мировосприятие, судьбу

● стр. 2-16

КАЖДЫЙ РЕБЁНОК — ЭТО ПРАЗДНИК

Светлана Тетерина: ● стр. 4

«Вот и кому надо помогать? Каждому ребёнку! И сделать это можно только через родителей. Никакие государственные программы по работе с трудными и лёгкими не помогут! Только родители, только мамина и папина любовь. А они любить не умеют, их родители не научили, но зато «умеют» воспитывать…».

ОСОБЫЙ ПОДХОД

Алла Миронова: ● стр. 5

«Я в госпитале работаю более 10 лет и могу сравнить психический статус участников Великой Отечественной войны — с последующими поколениями. Возраст один, а настрой совершенно разный: жизненный тонус, возможности психологической адаптации у людей, переживших войну, гораздо выше, чем у теперешних 60-летних».

СДЕЛАТЬ ШАГ

Владимир Мусиенко: ● стр. 11

«Я не понимаю людей, которые ссылаются на занятость, на то, что невозможно найти время для спорта. Это вопрос твоего личного желания, и только. Другие ссылаются на дороговизну спортсооружений, но это всё чепуха».

НОВОРОЖДЁННОЕ СЛОВО

Татьяна Шмелёва: ● стр. 14

«Человек ощущает возраст слова субъективно — на фоне своей жизни, жизни своего поколения… Хорошо ощущается молодость слов… Но, оказывается, у слова свой возраст в каждом языке».

ПОСЛЕВКУСИЕ

Александра Семёнова: ● стр. 16

«Определить поколенческие произведения в российском искусстве рубежа 20-21 веков? Очень сложный вызов… Но я решила попробовать…»

«С одной стороны, я могу напомнить высказывание Марка ТВЕНА: «Цивилизация — это машина по производству потребностей, в которых нет потребности». Ещё в XIX веке сказал! А с другой стороны, мы подошли к моменту, когда технологии в любом случае надо менять. Прежде мы не заботились о том, как они впишутся в окружающую среду, такой задачи в принципе не было! Но человечество развивается по мере того, как осмысливает окружающую среду и само себя в ней. Например, в средневековых городах мусор выбрасывали из окошка, помои лили в придорожные канавы, а потом ценой страшных эпидемий поняли, что жить в таких условиях нельзя, и начали делать канализацию… Но тогда мусор и отбросы для всей окружающей среды, для биосферы опасности не представляли…».

Николай Печуркин — о будущем

● стр. 3

Острота наших социальных проблем или чиновничья риторика, уж не знаем, — но что-то приучило нас воспринимать всех стариков в первую очередь как пенсионеров. Люди среднего возраста — это те, кто успешен либо не успешен (в зависимости от социального статуса). Молодёжь — нечто аморфное: неизвестно, чего от неё ждать, но на всякий случай лучше изображать к ней дежурную лояльность.

А ведь наши деды — это те, на чьё детство пришлась война и послевоенные годы. При этом и молодость их отмечена эпохальностью: это шестидесятники, хрущёвская оттепель, покорение космоса, освоение целины! И всё это спрессовано в пределах жизни дедушек и бабушек, которые сегодня живут рядом с нами, как неизведанные планеты.

Любопытно, что следующее поколение — уже нечто совершенно другое. Его становление и большая часть жизни пришлись на период социального равенства и стабильности. Образование, работа, перспективы — были предсказуемы и достаточно доступны. Обеспеченный материальный минимум, при внешней тотальности, давал возможность выбирать совершенно разные стили жизни: ехать на БАМ, слушать «Голос Америки», вливаться в бардовское движение, создавать русский андеграунд, заниматься богоискательством. И вдруг на излёте этого «застоя» — бабах! — конструкция рухнула. Вызвав у одних радость и приветственные аплодисменты, а других похоронив заживо.

Сегодняшняя молодёжь, рождённая после распада СССР, а стало быть даже пуповиной не связанная с советским прошлым — это не просто новая смена страны. Она пришла во всеоружии мировых трендов, брендов, гаджетов… И вместе с ними пугающая глобальность стала повседневностью наших домов.

Нам показалось интересным проследить эту разность поколений и то, как эпоха накладывает свой отпечаток на предпочтения, выбор профессии, культурный стандарт. Не говоря о том, что возраст — это, порой, ещё и узурпатор наших настроений, самочувствия, мощей и немощей. .

«Наше взросление проходило с новой Россией»

В современном мире успешная страна — прежде всего хранилище знаний и питомник мозгов. В последние двадцать лет это стало особенно ясно. За это время Россия прошла не самый лучший период своей истории, и тем интереснее для нас опыт человека, который именно тогда сумел создать одно из самых успешных предприятий Красноярска, основанных на интеллектуальном ресурсе, — при этом твёрдо придерживаясь своих принципов. Казимир Станиславович ВОЙТКЕВИЧ, президент группы компаний «Интертакс», о своём поколении, о том, что такое элита, и почему он пошёл в политику.

— Фирма «Интертакс», которую вы возглавляете — одна из самых успешных провайдерских фирм Красноярска. Притом, что конкуренция на этом рынке сегодня высока как никогда. Расскажите, с чего всё начиналось?

— Всё началось с 14 лет, с моего увлечения радиоэлектроникой. Вообще, надо сказать, что нынешняя IT-индустрия в изрядной степени сформирована средой советских электронщиков и музыкантов. Они занимались сложной техникой, многое делали сами, зарабатывали на этом первые серьёзные деньги. Тогда это был, как сейчас говорят, модный тренд, и спаять своими руками поначалу радиоприёмник, а потом и компьютер считалось круто. Вот и я паял. Потом был школьный УПК под патронажем вычислительного центра Крайстатуправления, где я также занимался электроникой. Туда же, в краевое управление статистики, пришёл работать сразу после школы инженером ВЦ. В 17 лет без высшего образования, что тогда было, в общем, редкостью. Там и проработал два года до армии.

— Наверняка и в армии служили по специальности?

— Да, служил в ВДВ в должности мастера связи. Ну и после армии работал какое-то время в полувоенной фирме «Каскад», занимался монтажом оборудования в оборонной промышленности. Проще говоря, собирал ракетные комплексы. Через год, в связи с тем, что приходилось много ездить по командировкам, из «Каскада» ушёл. Потом немного побыл во Дворце пионеров заведующим лабораторией технического творчества — тогдашних воспитанников встречаю до сих пор. И уже в 1991 году создал свою фирму.

— Решили работать на себя?

— Хотелось делать то, что интересно. Сначала занимались монтажом систем связи — например, мы первые в городе начали устанавливать офисные мини-АТС. Изготавливали электронное оборудование собственной разработки — одно время чуть не вся краевая милиция ездила с нашими сиренами и мигалками. Монтировали первую очередь сети GSM для «Енисейтелекома». Потом я увидел будущее за информационными сетями и с 1997 года все силы вложил в это направление. В России начиналась эпоха Интернета.

— Как вы относитесь к 90-м годам?

— Считаю, тогда руководством страны были допущены серьёзные системные ошибки. Чтобы строить новый дом, не обязательно устраивать бардак в старом. Вряд ли всё, что тогда нашим обществом было приобретено ценного, стоит тогда же им потерянного. Также замечу, что многое из этого понимания обретено только по итогам — поначалу я, как и другие наши сограждане, смотрел на мир широко раскрытыми глазёнками, балдея от внезапных перемен.

– С тех пор бизнес изменился?

— В 90-е годы выплеснулась «пена», государство ослабло и какие-то свои функции практически перестало выполнять. Существовали, скажем так, нерегламентированные общественные отношения, а новых законов для образовавшейся действительности ещё не было. Любой предприниматель буквально ходил по краю — шаг влево, шаг вправо… В общем, как гласит страшное китайское ругательство: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!». Сегодня общество, как минимум, стабилизировалось, пришло в порядок, и это не может не радовать.

— А как же митинги на Болотной площади?

— Я скажу просто — оно с жиру и сдуру. Примерно с теми же мотивами обученная и откормленная при СССР интеллигенция громила свою страну в пресловутую перестройку. Если человеку действительно тяжело, он занимается насущными проблемами, а вот когда снизу тепло и сверху не каплет, особенно за чужой счёт, тогда и начинаются иллюзии по поводу своей исключительности и недооценённости.

— Говорят, что у нас сейчас новая эпоха застоя, люди ощущают свою нереализованность, не работает социальный лифт…

— Лифт есть всегда. Просто потому, что в любых высших сферах кому-то надо работать. При советской власти этот процесс был чётко отлажен и структурирован — большинство претендующих постоянно контролировались, обучались и достигали ровно того уровня, на котором могли быть эффективны.

Сейчас же продвижение наверх носит несколько хаотический характер. Да и элита наша ещё молодая, неустоявшаяся в осознании своей роли, отсюда издержки во взаимодействии власти и народа. Оттого во властных структурах зачастую присутствуют люди случайные, слабо ответственные за судьбу отечества, и это негативно сказывается на общем положении дел.

Для себя я формулирую понятие национальной элиты так: это наиболее преуспевшая, в настоящий момент, группа семейных кланов, которым лучше всего живётся именно в своей стране. Они не стремятся куда-то уехать, их базовые интересы — здесь, на родине. Хотя они имеют связи с иностранными элитами, учат своих детей за границей, как тот же Пётр Первый в свое время — в современном мире без этого тоже нельзя обойтись.

— Говорят, что вы теперь депутат. Зачем вам это?

— Я пошёл в политику, как многие, наверное, потому что в бизнесе уже всем всё доказал, что хотел. Если далее ограничиваться только этой сферой, не будет развития. Во всякой деятельности существует предел активного интереса. Потому так.

В 2010 году избрался депутатом на одной из пригородных территорий, стал заместителем председателя Совета. По прошествии двух лет понял, что в политике мне интересно, буду заниматься этим и дальше.

— Начали политическую карьеру с азов?

— Да, я всегда начинал руководить, сперва хорошенько пощупав на практике азы профессии.

Иногда себя ощущаю как слон в посудной лавке — развернуться негде, бюджет крошечный, но учиться, обкатываться нужно именно здесь. Надо сказать, и люди на селе отличаются от городских, на мой взгляд, не в худшую сторону.

— Что вы думаете о развитии связи на селе?

— Как провайдеру мне, конечно, хотелось бы, чтобы все сограждане получили доступ к планетарному источнику информации, овладели новым способом связи, а главное, вовремя за неё платили. Но как депутату — сразу после обеспечения хорошими дорогами, электроэнергией, детсадами, школами и больницами. Вот тогда и Интернет органично войдёт в сельскую инфраструктуру.

— Один из героев фильма «Москва слезам не верит» говорил: «Через двадцать лет не будет ни кино, ни театра, ни радио — одно сплошное телевидение». Не кажется ли вам, что теперь так можно сказать об Интернете?

— Нет, не кажется. Следует понимать первопричины предпочтений той или иной медиасреды.

Они достаточно очевидны — человеческое сознание лениво и легче всего воспринимает наиболее подготовленную, «пережёванную» информацию, а именно, визуальную — живую картинку. Помните поговорку «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать…»? Поэтому лидировать всегда будет та технология, которая передаёт «картинку» лучше других. Как она называется в тот или иной период развития промышленности, не так уж важно.

— А чем занимается бизнесмен и депутат в своё свободное время?

— Катаюсь на горных лыжах, занимаюсь спортивной стрельбой. Вот книгу внезапно написал два года назад — «104 ответа про это» — для тех, кому любопытно «как всё устроено» в информационных технологиях.

— Могли бы вы посоветовать человеку, как добиться успеха? И почему его добиваются единицы, а основная масса людей всё-таки инертна?

— Человек может стать кем угодно. Гены — от предков, воспитание (если дают) — от родителей, образование (если берут) — от общества. Конечно, с деньгами и связями пробиться проще. Но мы же не думаем, что ПУТИН прилетел с Марса? Точно так же в молодости, наверняка, как и все студенты, портвейн пил за углом… Просто, за все блага, дающиеся индивидууму обществом, надо платить — хоть деньгами, хоть заслугами предков, а чаще собственным умом, временем, здоровьем наконец.

Если не хватает денег, делайте упор на умственные способности, не хватает связей — на упорность и терпение. Это планета людей, даже одной жизненной силы достаточно, чтобы отвоевать себе место под солнцем.

Многие из моих ровесников достигли гораздо большего, но я им не завидую — они за это платят дорогую цену. Когда хорошо знаешь деятельность больших политиков, бизнесменов, понимаешь, что их жизнь — это тяжёлая пахота без каких-либо гарантий успеха.

— У нас этих пахарей принято ругать.

— Власть не любят везде, в любой стране. Это то, от чего ты зависишь, а зависимость не нравится никому. У нас, как ни странно, власть принято ругать, когда она более-менее стабильна. Ругаясь, человек как бы сообщает о себе — «Эй, вы там, наверху, осторожно, я от вас завишу!». Это нормальная ситуация. Разумеется, народ должен напоминать государству о его обязанностях, но, к сожалению, часто эти крики — голос эмоций, а не разума.

— Что вы можете сказать о своём поколении сорокалетних, чья юность пришлась на перестройку?

— Нам слегка повезло. Когда пришла перестройка, мы ещё не вжились в советский уклад, в силу возраста, но в то же время успели получить стабильное воспитание и хорошее образование. В итоге довольно органично вписались в новые правила жизни. Наше взросление проходило с новой Россией.

По своим политическим взглядам я реалист. Как говорил ЧЕРЧИЛЛЬ, кто в молодости не был революционером — у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором — у того нет мозгов. В 90-х все мы ходили на митинги, но с возрастом пора бы мыслить более трезво.

Елена НИКИТИНСКАЯ

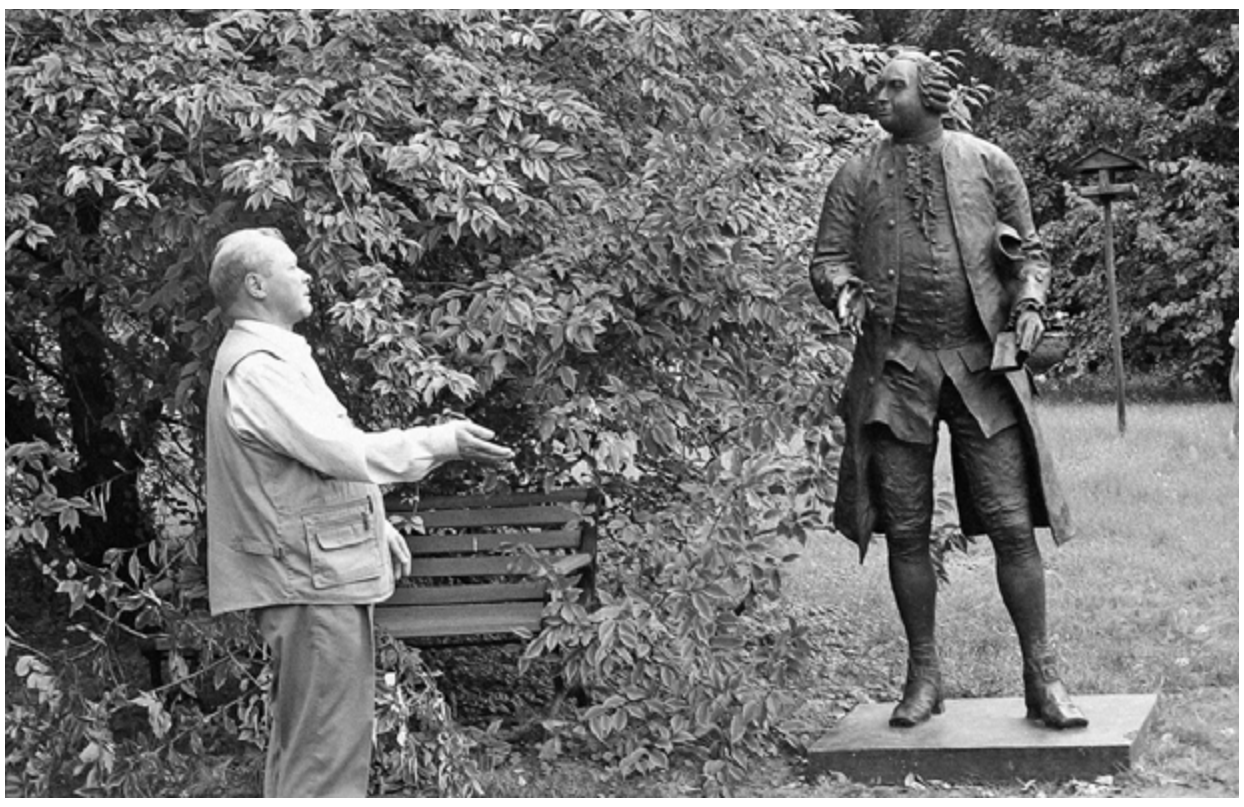
Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 3 (21) от 16 апреля 2012 г.

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24–00157
Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 6, каб. 3–11, т. (391) 206-28-76,
e–mail: newspaper@sfu–kras.ru //Главный редактор: В.М. Ефанова // Фотограф: А. Омышева
Распространяется бесплатно. / Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. // При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна.

// Отпечатано в ООО «Новая Типография Красноярск»
// г. Красноярск, ул. Шахтёров, 33
// Подписано в печать 12. 04.2012 г.
по графику — 20.00, фактически — 20.00
// Заказ №000775 // Тираж 5000 экз. //

Мы воруем у детей

Можно ли считать разумным человека, который ради удовлетворения собственных прихотей или по причине лени уничтожает соседей, льёт помои в питьевую воду, бросает мусор в подъезде, выламывает кирпичи из фундамента своего дома, чтобы кому-то их продать? А ведь сегодня большая часть человечества живёт именно так!



↑ «Разговор» с Ломоносовым (Москва, парк скульптур «Музеон» при ЦДХ)

→ С Иваном Александровичем Терсковым (он слева), 1981 г.

— Магистральная линия развития энергетики в мире — получение энергии из возобновимых ресурсов. Притом, что сейчас более чем на 90% весь мир живёт на запасах, которые истощаются. На возобновимые ресурсы лишь недавно началась мода — дай бог, чтоб она продлилась подольше. Даже слоган придумали «20/20» — к 2020-му году иметь 20% энергии из возобновляемых источников. Это дорого, но это надо делать. Так вот наша страна этим не занимается. У нас столько нефти и газа! Главная проблема: как бы его перекачать и продать? И получается, мы с вами — самые… Как бы сказать помягче? Самые зловредные для будущих поколений! Они ведь тоже имеют право на запасы, которые мы истощаем так бездумно…

Эти обидные, но справедливые слова говорит мне человек, умудрённый опытом и знаниями — доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Николай Савельевич ПЕЧУРКИН. Мы беседуем у него в квартире в Академгородке, и в ходе разговора я ловлю себя на, казалось бы, парадоксальной мысли, что этот переваливший за 70-летний возрастной рубеж учёный гораздо в большей степени «новый человек» XXI века, нежели я сам и большинство ныне живущих людей молодого и среднего возраста!

— Нет, я не новый, я старый… — улыбается Николай Савельевич.

— Может быть, лучше будет сказать «мудрый»?..

— Тогда уж умудрённый — это точнее. В развитии личности после 50 лет наступает умиротворение, снижение активности и увеличение осмысления. Я в этой фазе нахожусь довольно давно, и я доволен, что имею возможность помогать молодым осмысливать, как устроен мир…

Своё собственное осмысление мира и себя в этом мире для Николая Печуркина началось ещё в середине прошлого XX века. Будучи студентом 3-го курса радиофизического факультета единственного на тот момент в Сибири Томского университета он прочитал книгу Климента Аркадьевича ТИМИРЯЗЕВА «Солнце, жизнь и хлорофилл».

— Вот это солнышко, которое раскручивает жизнь у нас на планете в виде большого биогеохимического круговорота (по Вернадскому), и мы — частичка этого круговорота… Это мне жутко понравилось, и я решил: вот чем надо заниматься! Познанием того, как всё это эволюционирует и развивается.

Года через три после окончания университета я бросил свою довольно успешную карьеру в военной радиофизике, собственную лабораторию и с некоторым трудом нашёл в Красноярске Институт физики, который возглавлял Леонид Васильевич КИРЕНСКИЙ, а в институте — отдел биофизики, которым руководил Иван Александрович ТЕРСКОВ. Они меня довольно быстро приняли. Я потерял и в зарплате, и в должности, и ещё в чём-то, но изучение жизни для меня было важнее, чем создание орудий смерти (в военной радиофизике).

Всего за 10 лет с 1965-го по 1975-й год Николай Печуркин одолел все ступени формальной научной карьеры: от прихода в биофизику инженером до учёной степени доктора наук и звания профессора. Он читал курсы лекций по экспериментальной экологии и биофизике популяций для научных сотрудников не только в СССР: его приглашали в Чехословакию, Англию и США, он выступал с пленарными докладами на российских, всесоюзных и международных конференциях.

Николай Савельевич заведовал кафедрой биофизики Красноярского госуниверситета, под его руководством кафедра стала готовить уникальных специалистов по экологической биофизике. Профессор Печуркин — один из организаторов в Красноярске Международного научного центра по изучению замкнутых экосистем, член научных советов РАН по биофизике и микробиологии, уделяет много внимания экологическим программам Сибири и Красноярского края, является региональным представителем научно-общественной международной ассоциации «Зелёный Крест» в Красноярском крае.

Профессор Печуркин опубликовал более 170 научных работ. В 2011 году редакционно-издательский отдел Сибирского федерального университета выпустил его монографию «Энергетическая направленность развития жизни на планете Земля». Эта книга и стала поводом для нашей встречи. В частности, меня интересовали глобальные перспективы выживания человека как звена биосферы, причём звена, с каждым годом всё больше эту биосферу разрушающего.

— Мы используем планету Земля, биосферу Земли, её живую оболочку для себя, как систему жизнеобеспечения. Захватили — и всё! В результате по некоторым показателям её стационарные коэффициенты и показатели стали изменяться, поползли-поехали быстрее, чем раньше, когда не было человека. Скажем, содержание углекислого газа в атмосфере растёт быстрее, чем когда-либо в истории. Не успевает адаптироваться биота, и это может привести к так называемым бифуркациям. «Би» означает двойственное поведение, система «теряет память» и не развивается так, как она развивалась ранее по известным законам. Вроде бы ничего не меняется снаружи по внешним факторам, а система вдруг рассыпается. В общественной жизни пример такого «рассыпания» — Советский Союз. Никто на него в 1991 году не давил, не грозил бомбами или пушками…

Увы, сложные системы ведут себя так. Я привёл этот пример для того, чтобы показать: наша биосфера может так резко изменить своё поведение при достижении границы пропасти, что мы не успеем ахнуть! Я не думаю, что это будет критично для всей биосферы, но для условий существования человека это представляет опасность — мы о-о-очень капризны в своих требованиях к окружающей среде!

Наш вид — один из самых неустойчивых для выживания в физиологическом смысле. Именно поэтому нам понадобился мощнейший мозг, чтобы создать себе благоприятные условия. И даже не столько объём мозга, сколько качество его работы и активное социальное поведение, потому что если нас взять и заставить жить по одному, то никого из нас через полгода уже не найдут…

Но примерно к середине XX века стало понятно, что очень уж многого мы хотим для себя любимых лично! И биосфера уже не успевает справляться с нашими загрязнениями и отходами. Дефицит продовольствия был всегда, но теперь у нас еды гораздо больше, чем, скажем, 5 тысяч лет назад в среднем на человека приходится. Другое дело, что неравномерность распределения существует, но не голод правит миром — это точно! И биосфера не справляется не потому, что нас много: наши технологии не вписываются в окружающую среду.

— Значит, мы не очень хорошо работаем со своей «системой жизнеобеспечения»?

— Мы не успеваем решать возникающие в том числе по нашей собственной вине проблемы. Несмотря на то, что мозги работают, люди как-то больше озабочены потреблением и не хотят смотреть вперёд. А ведь академик Никита Николаевич МОИСЕЕВ говорил, что XX век — это ещё не век катастрофы, это век предупреждения о том, какой ужас может нас ожидать. И это несмотря на то, что в XX веке было две «горячие» мировые войны и одна «холодная»!

В одной из последних своих книг Моисеев писал: мы ведём себя так, что биосистема может оказаться неустойчивой и просто «стряхнёт» нас в небытие. При этом сама она не перестанет существовать, даже в случае ядерной войны она крепко «поморщится», пострадает, но круговорот жизни не перестанет существовать.

В истории Земли уже была подобная история с динозаврами, которые в какой-то момент захватили на нашей планете почти всё…

Справедливости ради надо напомнить, что в климатическом катаклизме, погубившем динозавров, сами-то динозавры не были виноваты. А вот мы как раз собственноручно приближаем себе конец света. Многие политики и экономисты, ориентированные на «американскую модель», считают, что сдерживать рост потребления — значит остановить развитие общества. По их мнению, надо лишь «подладить» технологии, решить вопросы энергетической эффективности и т.д. Но серьёзные учёные, и в первую очередь представители естественных наук, говорят, что человечеству необходимо придержать масштабы и интенсивность потребления. Николай Савельевич Печуркин считает, что эти две задачи не исключают, а дополняют друг друга.

— С одной стороны, я могу напомнить высказывание Марка ТВЕНА: «Цивилизация — это машина по производству потребностей, в которых нет потребности». Ещё в XIX веке сказал! А с другой стороны, мы подошли к моменту, когда технологии в любом случае надо менять. Прежде мы не заботились о том, как они впишутся в окружающую среду, такой задачи в принципе не было! Но человечество развивается по мере того, как осмысливает окружающую среду и само себя в ней. Например, в средневековых городах мусор выбрасывали из окошка, помои лили в придорожные канавы, а потом ценой страшных эпидемий поняли, что жить в таких условиях нельзя, и начали делать канализацию.

Но тогда мусор и отбросы для всей окружающей среды, для биосферы опасности не представляли.

А теперь наша человеческая популяция процветает, всех своих конкурентов уничтожила или подчинила и как подсистема в большой системе уже стала задевать большую систему, затрагивать её законы. Представьте себе колесо, одна из спиц которого выросла длиннее других: чтобы колесо катилось и дальше, эту спицу надо менять или ломать… Эта спица — мы, но большинство из нас ещё не осознало ситуацию. К знанию природы мы пришли, понимания её законов почти достигли, а вот осознания себя в природе пока нет.

— Все ныне живущие более-менее знают, что на планете существуют экологические проблемы, но не осознают личную ответственность за это, внутренний эгоизм всегда срабатывает в первую очередь. Например, зачем мне покупать дорогой и неудобный, хотя и «экологичный» электромобиль, если сосед ездит на «грязном», но зато комфортабельном и менее дорогом автомобиле? Зачем нам беречь природные ресурсы сейчас, если мы не уверены, что завтра они достанутся нашим детям, а не чьим-то чужим? Доверия нет ни между людьми, ни между странами! Как в этих условиях решать глобальную задачу выживания человечества?

— Человечество ещё молодо. Сравните развитие отдельного человека с развитием человечества. Что с пелёнок нужно ребёнку? Памперс и мамина грудь. Когда он чуть-чуть подрастает, начинает понимать, что есть и иное окружение. Постепенно ребёнок включает его в свой личный мир и себя самого в эту постоянно расширяющуюся «систему жизнеобеспечения». Детский садик, школа, район, город, страна… И на этом уровне отдельно взятой страны, да ещё в страшном вражеском окружении, мы, россияне, пока остановились.

Нам бы продолжать развиваться так, чтобы понять — человечество существует прямо рядом со мной. Не только мои соотечественники, но и другие граждане планеты Земля. И все конфликты принципиально разрешимы путём нахождения взаимовыгодных компромиссов. Вот этого понимания, осознания у нас сейчас нет! И «выдавливать раба» из себя по капельке, раба, задёрганного национальными лидерами, для которых конфронтация с окружающим миром — самый лёгкий способ удержания власти, нам надо будет долго ещё…

К сожалению, ситуация на Земле уже такова, что надо действовать быстро, а быстро, хорошо и согласованно мы не можем, не умеем. Чтобы действовать хорошо, нужно действовать осмысленно, а на осмысление нужно время. Вот такой замкнутый круг, и его надо разорвать.

Я в университете читаю лекции студентам уже более 40 лет и вижу с огромным удовольствием, что данное мною им они затем включают в своё миропонимание. В этом я вижу свою сверхзадачу. И ребята-то молодцы: на физических специальностях, на биологических никакого снижения уровня подготовки и мотивации нет — они с интересом воспринимают новое.

Конечно, культ потребления, навязчивая реклама «потребностей, в которых нет потребности» — сбивают ценностные ориентиры. Но, тем не менее, у нормального человечка есть интерес к миропониманию в целом. И нам надо передавать молодым то найденное лучшее, что мы знали, умели — вот это наша задача.

После нашей долгой беседы я вышел от Николая Савельевича, держа в руках ещё одну его книгу — «Солидарный путь выживания в XXI веке». В марте 2009 года профессор Печуркин направил по экземпляру этого издания вместе с личными посланиями Президентам США и России, Бараку ОБАМЕ и Дмитрию МЕДВЕДЕВУ. Многие ли из нас готовы веско и аргументированно говорить лидерам двух мировых держав об опасности, нависшей над всем человечеством, об ответственности двух президентов за судьбы не только своих народов, но и всей Земли?

Одно из важнейших напутствий профессора президентам — снижение угрозы ядерной войны, в результате которой наступит «ядерная зима», и живые позавидуют мёртвым, потому что «победитель» будет умирать дольше и мучительнее, чем «побеждённый». Николай Савельевич отметил, что до 98% ядерного оружия в мире сосредоточено в США и России, по производству и продаже простого (не ядерного) оружия мы тоже в явных лидерах. Есть над чем задуматься главам наших государств!

Письмо сибиряка Печуркина президентам США и России напомнило мне другое известное в истории нашей страны послание другого учёного — «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» Михайло ЛОМОНОСОВА, адресованное будущему российскому императору Павлу I (в момент получения письма цесаревичу исполнилось 9 лет). Именно из этого послания знаменитая цитата «российское могущество прирастать будет Сибирью».

Не знаю, прочёл ли Павел I письмо Михайло Ломоносова, да и правил он Россией лишь 4 года, но слова первого русского учёного услышали многие, и на многие столетия они дали импульс развитию нашей страны на Восток.

Не знаю, читали ли Обама и Медведев послание Николая Печуркина, да и правили они своими странами лишь по 4 года, но я уверен, что письмо профессора надо прочесть каждому человеку, который считает себя ответственным перед своими детьми, перед окружающими людьми… Человеку, который может уничтожить себя, а может — спасти (см. журнал «День и ночь», 2010, №1). И, может быть, тогда мы перестанем «красть будущее» у детей?

Андрей КУЗНЕЦОВ

Детство, драйв и ноги великана

Светлана ТЕТЕРИНА — человек по-хорошему упёртый. Именно благодаря этому её качеству в Красноярске 7 лет выходил уникальный родительский журнал «Твой город детства», проводились парады снеговиков и детские карнавалы. «Каждый ребёнок — это один большой праздник», — уверена она.

— Света, если говорить о разных возрастах, то ты у меня однозначно ассоциируешься с детством, детьми, карнавалами, журналом. Расскажи, как всё начиналось.

— Не сыпь мне соль на рану, журнал для меня до сих пор — болезненная тема.

Началось всё в 2002-м, когда я родила дочку и поняла, что в Красноярске — «детский информационный голод». Источника информации для родителей просто нет, никакого, только федералы. Невозможно узнать, где есть молочные кухни, где лучше купить ботинки, куда лучше пойти на танцы и так далее. И возникла идея удовлетворить эту родительскую потребность — создать некое информационное пространство, где родитель сможет из компетентного источника получить так необходимые ему данные. Опыта не было совсем, сейчас мне кажется, что всё было таким достаточно наивным. Но даже первый номер у нас уже был с рекламой — оказалось, что это очень интересно для всего сообщества: и для родителей, и для рекламодателей.

— Журнал был уникален по формату. Второго такого в России точно не было.

— Изначально это был информационный справочник. Потом этого стало не хватать — захотелось говорить об актуальном, интересные тексты появились. А авторы какие были! Цвет красноярской журналистики — АГАФОНОВ, НИКИТИНСКИЙ, СЕМЁНОВА, ОЛЬХОВА, даже БУРЛАКУ иногда удавалось уговорить; всех не перечислить, но редакционный состав был очень сильный.

А как я горжусь материалами с московской профессурой! Борис Даниилович ЭЛЬКОНИН, Борис Алексеевич АРХИПОВ, Катерина Николаевна ПОЛИВАНОВА. Ведь это и для Москвы нонсенс. Когда я просила интервью, московские гости с удивлением интересовались: у вас что — есть такое родительское издание, где это можно напечатать? А я со скромной гордостью — да, есть. А какие роскошные красноярские специалисты давали консультации — Людмила Александровна АНТИПИНА, Андрей ДЕГТЯРЬ, Алевтина СПЕРАНСКАЯ, Вера ВЫСОЦКАЯ, всех не перечислишь, а жалко.

Но оказалось, что нашему читателю как клиенту это малоинтересно. В процентном соотношении, на мой взгляд, у этих публикаций было максимум 10% читателей. Сложноватые тексты, серьёзные проблемы, стратегический взгляд на детство… зачем?

— Ну, надо же ориентироваться на уровень выше среднего.

— Ага, мы выращивали, выращивали читателя — и довыращивались. Людям что интересно-то? Узнать, как правильно наказывать. Это главный вопрос, который нам читатели задавали. Не «Как договориться?», не «Как понять?»… О чём это говорит? Об абсолютной педагогической безграмотности родителей! Абсолютной глухоте и слепоте. Ребёнок в большинстве случаев воспринимается как объект для воспитания будущей успешности. Если ребёнок всё время растёт как объект, он в субъекта потом не превратится. И никто об этом не говорит и не думает.

— Света, ну кроме журнала была же ещё масса проектов, благотворительных…

— Вообще-то и сам журнал был сплошной благотворительностью. Не бизнес, а гражданское хобби. Ведь у нас считается, что помогать нужно детям больным, обездоленным, бедным. А я уверена — в нашей стране нужно помогать каждому ребёнку! Но помочь можно только через родителей, через популяризацию принципов гуманистической педагогики. Заумная формулировка, но всё просто.

Все родительские функции сводятся к материальному – бо-тинки, каши, зубы, музыкальные школы и пр. И всё это из позиции сверху — я знаю, что для тебя хорошо. А ребёнку нужна грамотная любовь, а не формальная забота. Нет психологической поддержки, гармонии, комфорта.

Расскажу показательную, с моей точки зрения, историю. Стою в детской поликлинике — пришла на приём с Манюней. Слышу за спиной: «Бессовестный! Как ты можешь! Мальчик! Плачешь!». Поворачиваюсь — и вижу: ко мне спиной стоит молодая женщина с ребёнком на руках, и только лицо этого «бессовестного». Годовалый (!) ангел. Светлые волосишки пухом, настолько несчастные глаза, такое страдание в них! И эта «речь» матери. А что думает этот несчастный ребёнок, у которого с точки зрения общества всё хорошо — одет, обут, сыт, родители есть. Вот что он думает? Мама меня не любит, я плохой, мир опасен. Конечно, не словами формулируется, а закладывается на уровне подкорки. А в итоге базовое недоверие к миру, заниженная самооценка и комплекс вины. И это сплошь и рядом.

Вот и кому надо помогать? Каждому! И сделать это можно только через родителей. Никакие государственные программы по работе с трудными и лёгкими не помогут! Только родители, только мамина и папина любовь. А они любить не умеют, их родители не научили, но зато «умеют» воспитывать. Да, что говорить! Сто лет назад, не помню кто, но точно мудрый, сказал: хочешь изменить человека — начинай с его бабушки. А мы всё симптомы лечим.

— Вы писали обо всём — о конфликтах, о детской онкологии, о детях с ограниченными возможностями. У нас об этом предпочитают молчать. Но как раз с этим была связана твоя поездка в Америку. Как ты попала в состав делегации?

— Меня и ещё 7 человек отправил Ротари-клуб. Это такая благотворительная международная организация, которая сотрудничает с «Открытым миром». И они через Конгресс США ежегодно возят разных специалистов для знакомства с американским опытом. Я была единственным редактором, остальные — педагоги и психологи, которые работают с детьми с ограниченными возможностями. За 8 дней, пока мы путешествовали, мы побывали в более чем 20-ти школах и других учреждениях, которые занимаются с такими детьми. И это было, безусловно, потрясающе! Только непонятно: зачем нас туда привезли? Похвастаться? Нам до них, как до неба.

— А разница в чём — в материальной базе или всё-таки в отношении?

— И в том и в другом. Главное — на уровне законодательства прописано: нельзя инвалида ограничивать ни в чём. Везде есть пандусы, поручни, всевозможные приспособления, чтобы ребёнок мог чувствовать себя комфортно. Например, есть школы, в которых дети с ДЦП занимаются отдельно, но на какие-то уроки ходят все вместе. Ребёнок передвигается не один — с ним везде ассистент. Работу ассистента полностью оплачивает государство. И у каждого ребёнка он свой. Есть, конечно, и то, что мне не нравится. Например, в школе для детей с отклонением в умственном развитии ассистент должен меняться каждый год. Это, конечно, даёт эмоциональную мобильность, но при этом и отсутствие душевной близости. Однако такова традиционная для Америки позиция.

— А сам учебный процесс в школах?

— Различие в основополагающих постулатах. Класс, урок — и дети по 5-6 человек сидят вокруг столов. Педагог объясняет нам: «Мы специально рассаживаем их лицом друг к другу, чтобы было удобнее (!) разговаривать». Что тут скажешь? Мир наоборот.

— Какое у тебя самое сильное впечатление после поездки осталось?

— От судьи, как это ни странно. Верховный судья штата, солидный такой дядька, потратил на 8 тёток из Сибири полтора часа своего драгоценного времени. Но меня поразило не это. Мы фотографировались в зале Верховного суда штата, стучали молотками. А он сделал такую штуку, которая к должности ну никак не подходила: договариваясь с помощницей об экскурсии для нас, встал на стул на коленки. Не знаю, как это объяснить, но меня потрясла эта открытая, наивная, детская поза. Как школьник. Верховный судья. Я просто дар речи потеряла. Наши чиновники, как в должность вступают, так будто кол проглатывают, всё человеческое, простое в себе прячут, чистый функционал остаётся.

И конгрессмен ещё был шикарный. Огромное здание, мраморные колонны, заходим, а по офису собака бегает, дворняга. Беседуем чинно о дружбе между странами. А в конце я спрашиваю — почему собака в офисе? А он с таким недоумением — потому что мы любим собак. Вот так. Видимо, наши собак не любят.

— Не поверю, если скажешь, что ты не искала в Америке родительских журналов.

— Я даже с редактором одного из них встречалась, принимающая сторона организовала встречу. Было смешно, мы с ней просто вцепились друг в друга, перебиваем, рассказываем, вопросы сыплются, а время ограничено. И что ты думаешь: оказалось, в Америке точно такие же проблемы, как и у нас. Главная, конечно, — недостаток финансирования. И тогда я окончательно убедилась, что дело не в отделе продаж, не в схеме распространения, не в формате. Сегмент рынка такой: без государственной поддержки не выжить. А так как государство нас поддерживать не желает, я решила закрыть проект. Это сказать легко, а сделать так тяжело было. Я даже в Индию на месяц уехала, новые смыслы искать.

— И как? Нашла?

— В трёх ашрамах была, даже к Шри Шри Рави Шанкару на аудиенцию попала, это такой супергуру, миллионы почитателей по всему миру, но меня как-то не впечатлил. Уставшие глаза, формальная улыбка. Я вообще поняла, что для Индии «духовность» — как для нас нефть, один из главных источников ВВП. Весь мир едет за духовностью, коммерциализация неизбежна. Но и настоящие ашрамы есть, мне повезло, чудом попала в Тируванмалай и нашла-таки смыслы — открыла для себя адвайту.

— Совершенно логично, что параллельно с детским журналом появились детские карнавалы. Это же тоже не на пустом месте возникло.

— По-честному? Первоначально это была идея промы журнала. Первого июня мы в любом случае должны были что-то делать, это наш день. Так как я страдаю гигантоманией, мне нужно было что-то совершенно феерическое. Так и пришла идея отдельного детского карнавала. Но как же мандражно было в первый год! Мандраж и драйв одновременно у всего коллектива, супер время было.

— Это была бешеная энергетика. Как у часов — пружина закручивается, закручивается. Как наша вечная беготня и суматоха — закручивает нас, закручивает — и тут должен, и там надо… А потом — раз! Пружина лопнула. Всё — ты никому не должен, у тебя просто праздник.

— Знаешь, мы в первые годы все такой восторг испытывали, слёзы радости были нормой. Потому что трогательно было бесконечно. Вот именно в момент построения колонн. Я помню: бегу с каким-то рекламодателем, а слёзы катятся. Она на меня смотрит и реально не понимает: что случилось? Все же считают, что это только такое коммерческое предприятие.

> **У нас в России базовое недоверие к миру — нам всё кажется, что кто-то на нас нажиться хочет, а истинного восторга в принципе быть не может.**

А ведь это был реальный восторг, пока государство свой ресурс не подключило. Правда. Раз — и съелась вся энергетика. Я не очень понимаю, как. Просто появилось какое-то количество участников, которых заставили. Они пришли и встали с раздражением. И всё сломалось. Получилась демонстрация. Собственно, опять всё в деньги упирается. Наш главный принцип — добровольность участия. Такая позиция требует затрат на продвижение проекта, на фишки шествия, на каждое «Вау!». Пока у нас были собственные ресурсы — мы вкладывались в это, а для государства такие расходы не понятны — зачем тратить деньги, если можно издать приказ, и все придут.

— Давай ещё о радостном. Я помню год, когда на Маркса между башнями была радуга — огромные разноцветные полотнища. Это была совершенно другая реальность. Не Россия — Марс. Другая реальность, которую и должен создавать карнавал.

— Да, занавес на Маркса почему-то мощнее смотрелся, чем на Мира. А ещё у нас тогда была идея между башнями натянуть канат и пустить канатоходцев. И я даже договорилась с канатоходцами, но никак не смогла договориться с этими башнями! Никак! Радиозавод, очень секретная организация, башня хлипкая, канатоходца не выдержит.

— А великан на вертолёте когда был?

— Не помню. Хотя это было ужасно смешно. Представь: 31 мая, 11 часов вчера, стою я на краю света на лётном поле, рядом ноги великана — огромные, поролоновые, жду, когда прилетит вертолёт, чтобы ноги померить, и думаю: офигеть, сорокалетняя тётка, давно пора помидоры на даче выращивать, а я — вертолёт, великан. Безумие. Потом вертолёт прилетел, и думать о вечном опять было некогда. Ноги оказались больше, чем вертолёт. Выходят вертолётчики — чудные люди из компании «Аэрогео», они просто так нам помогали, хотя это бешеные деньги стоит. Директор там отличный дядька. Так вот они и говорят: «Не, такие ноги точно не пойдут. Их давлением от лопастей в клочки порвёт». И трындец. Осталась одна ночь. Но всё придумалось, и великан у нас всё-таки получился. А через полгода потребовалось вернуть ноги великана, они же на подотчёте, раз были в смете. Мы башку сломали, где их взять.

— Когда в этом году карнавал будет?

— Первого июня, и тема будет шикарная: мир наоборот. Мне нравится донельзя! Я жду такого взрыва творчества. Все, кому я об этом говорю, прямо загораются и начинают фонтанировать идеями. А ещё мне ужасно хочется, чтобы наши первые лица не стояли на трибуне, как обычно, а шли в самих колоннах в карнавальных детских костюмах. А дети приветствовали их на трибуне. Ведь это мир наоборот!

— А чья идея — мир наоборот?

— Хореографической школы «Колибри», руководитель Марина КОТЕЛЬНИКОВА-КАКОУЛИНА. Они такие молодцы, монстры креатива.

— До какого числа можно подать заявку на участие в карнавале?

— До 15 мая, и мы торжественно приглашаем принять участие в карнавале и студентов. Мы в этом году переименовались и стали детско-юношеским карнавалом. И у нас уже точно будет целая зомби-колонна. Мы будем рады всем, кто придёт по собственной инициативе, страшно-страшно нарядится и пойдёт в колонне. Потому что на карнавале даже взрослые люди становятся детьми. Но для детей это вообще полный отрыв. Главный приз — коллективная туристическая путёвка.

— А как ты думаешь, почему взрослые карнавалы получаются такими скучными?

— У нас просто пока ещё нет карнавальной культуры, поэтому вместо самого карнавала у взрослых получается демонстрация в костюмах. Чтобы культура возникла, её нужно воспитывать у ребёнка. Так что, думаю, лет через 20 у нас будут вполне приличные взрослые карнавалы. Карнавалы — это же одна из составляющих личности. Если перевоплощения нет, личность не может быть гармоничной. А для ребёнка это самая простая и лёгкая форма его проявления. Это не долгие годы зимними вечерами учиться игре на скрипке, чтобы через 15 лет победить в конкурсе. Здесь достаточно прийти — и ты герой, ты любимчик. На тебя все смотрят и все тебя любят просто потому, что ты есть, а не потому, что ты где-то в чём-то победил. Ты сам — один большой праздник.

Анна СТАМБРОВСКАЯ

БЛИЦ-ОПРОС

Образование
КГПУ (филологический факультет), СФУ (Президентская программа).

Работа до «редакторства»
После института отработала года полтора педагогом, ушла челночить, торговала мебелью и цветами, два года отработала в цирке, объездила всю страну, вернулась — открыла рекламное агентство.

Любимая детская книжка
По мере взросления. ЧУКОВСКИЙ: я и сейчас считаю, что Корней Иванович гениален, а «Тараканище» для России — вечно актуальное произведение. А дальше — обычный мальчишеский набор: весь ДЮМА; Джек ЛОНДОН (особенно «Время не ждёт»); «Два капитана»; любая доступная фантастика.

Любимое место семейных прогулок в Красноярске
Максимум, на что мы способны в этом смысле, — кормить уток. Значит, любимое место — то, где есть утки.

Чему ещё хочется научиться?
Играть на фортепьяно, стрелять из пистолета, английскому, психологии, коучингу, кинезиологии и дизайну… А ещё хочется полетать в аэротрубе, посмотреть собор Дуамо в Милане и ГАУДИ в Барселоне.

Мир большой или маленький?
Мир — это процесс, игра сознания. Размера нет. Мир — это бесконечность.

Кризис старшего возраста

Кто из нас не мечтает прожить как можно дольше и оставаться при этом адекватным, энергичным — здоровым во всех отношениях? Пока учёные изобретают биотехнологии, замедляющие процессы старения, пожилые люди подчас и сами не понимают, что происходит с их характером: не могут сдержать гнев, раздражительность, а в результате — страдают не только они сами, но и окружающие…

Задавшись вопросом, где в Красноярске можно найти специалиста, разбирающегося в проблемах старения человека (геронтолога), я обзвонила несколько учреждений, которые, казалось бы, по статусу имеют непосредственное отношение к теме. Но простой вопрос не нашёл ответа ни в Красноярском государственном медицинском университете, ни в медицинском отделе Министерства здравоохранения края. Да уж, не в США живём — пожилые люди у нас не вправе рассчитывать на особый подход… К счастью, я вспомнила, что однажды видела табличку с надписью «гериатр» (врач, занимающийся больными пожилого и старческого возраста) в краевом госпитале для ветеранов войн.

Доктор для пожилых

Мы встретились с гериатром и терапевтом высшей категории Аллой Семёновной МИРОНОВОЙ во время обеденного перерыва. Как правило, в приёмные часы у доктора нет ни одной свободной минутки.

— В нашем обществе гериатр — всё равно, что динозавр, выживший в ледниковый период, — смеётся Алла Семёновна. — В 90-е годы гериатрические кабинеты открылись во многих поликлиниках, но вскоре приказали долго жить, потому что государственная программа о создании гериатрической службы в стране не подкреплялась никакими материальными ресурсами, выполнялась вяло и невнятно, а вскоре и вовсе забылась. Преимуществом гериатра является то, что на приём пациента ему отводится не 12 минут, как обычному терапевту, а полчаса. К сожалению, порой и этого времени недостаточно, чтобы выслушать все жалобы и жизненные истории.

— Есть нюансы, которые врачи должны знать про стареющий организм?

— Конечно. Например — особенности действия лекарств, особенности протекания болезней в угасающем организме. Но всё равно, пожалуй, соглашусь с корифеями от медицины, которые пульмонологов, кардиологов, гериатров и других узких специалистов называют прежде всего терапевтами в старинном и благородном значении этого слова. Терапевт — это врач, знающий о больном организме абсолютно всё и умеющий в медицине всё. Невозможно, например, лечить сердечно-сосудистую систему изолированно от остального организма. И в особенности у пожилых — в старости уже меньше возможностей к адаптации и компенсации.

— Чем отличается, например, 50-летний человек от 60-летнего?

— По формальному признаку 60-летний — это уже область гериатра. Однако я заметила такой парадокс: чаще всего пожилым нужна не медицинская помощь в лице гериатра, а медико-социальная. Многие люди в нашей стране, столкнувшись с бедой, ощущают беспомощность, когда в семье появляется тяжелобольной или ограниченный в своих возможностях человек.

— Все ли пожилые, которым за 60, страдают раздражительностью?

— Конечно, нет. Но дело в том, что в последнее время до этого возраста доросло поколение, пережившее 90-е годы. Я в госпитале работаю более 10 лет и могу сравнить психический статус участников Великой Отечественной войны, которые к нам приходили раньше, — с последующими поколениями. Возраст один, а настрой совершенно разный, хотя социальный статус не сильно отличается. Вы не поверите: жизненный тонус, возможности психологической адаптации у людей, переживших войну, гораздо выше, чем у теперешних 60-летних.

Время наложило серьёзный отпечаток на население: смена строя, крах жизненных идеалов… Они жили себе при социализме и не тужили, были уверены в завтрашнем дне. Но вдруг разрушился привычный уклад, и пришлось приспосабливаться. Когда война разрушает — понятно, надо мобилизоваться, а когда на твоих глазах в мирное время рушится мощное государство по каким-то неразумным законам, меняется всё вокруг — тяжело переживает целое поколение. Молодёжь-то адаптировалась, а вот современные 60-летние, которым в 90-е было от 40 до 50 лет, пострадали больше: некоторые потеряли работу, вынуждены были менять профессию, социальный статус. Кто-то считал себя средним классом — и вдруг лишился всего, стал нищим.

— Сама знаю немало примеров, когда врачи и учителя торговали в 90-е годы на базаре…

— Наше население пережило шоковую терапию, и мы теперь имеем дело с последствиями.

— И что же творится сегодня с 60-летними?

— Гораздо больше, чему у предыдущего поколения, выражены депрессии, тревожность, меньше адаптации к теперешним условиям, чувствуется растерянность перед этой жизнью даже при отсутствии серьёзных соматических болезней. У них утрачена мотивация к жизни, утрачена способность радоваться. Государство сделало своё чёрное дело. Мне иногда кажется, что мы с государством живём в разных и далеко не всегда пересекающихся пространствах. Многого от него ждать не приходится.

Однако есть и такие больные, которые сами себе могут помочь, не ожидая милости от государства. Очень часто они нуждаются в психотерапевтической помощи, но само слово — «психотерапевт» многие воспринимают чуть ли не как ругательное… Могут оскорбиться, услышав такой врачебный совет.

Не только больные, даже члены их семей нас не всегда понимают, приходится доказывать, что у пациента есть хронические болезни, но не они требуют интенсивного лечения, а в первую очередь — совсем другое…

— Влияет ли социальный статус на поведение больного? Может быть, образованные люди прислушиваются к вашим словам больше?

— Тут играют роль личностные качества. Далеко не всегда интеллект и скорость его угасания определяются образовательным цензом. Нужно учитывать, что когда человек рождается, он наследует 75% личностных качеств и только 25% — приобретает в течение жизни.

Полученное в прошлом высшее образование и высокие посты и должности вовсе не означают обретения того, что принято называть «старческой мудростью».

На что жалуетесь?

— Можно ли по внешним проявлениям распознать, что у человека имеет место возрастное угасание психических функций?

— У каждого врача — свой клинический опыт, своя интуиция, навыки. Мы видим «картину болезни» с первых слов больного. Имеет значение всё: с каким выражением лица он зашёл в кабинет, как садится на стул, как отвечает на первый вопрос: «На что жалуетесь?». Мы во многом вынуждены быть и психологами, и психиатрами, хотя указанные специалисты тоже ведут приём в нашем госпитале. Жаль, что, выписываясь из стационара, люди остаются наедине со своими проблемами.

Иногда наши больные настолько беспомощны, что требуют заботы круглосуточно: нужно проверять, как они оделись, как умылись, как дошли до кухни, сколько жидкости выпили. Вот сегодня была на приёме бабушка. Её тяжёлое состояние обусловлено тем, что она выпивает в день всего один или, в лучшем случае, полтора стакана жидкости. Пожилой человек чувствует жажду уже гораздо в меньшей степени, чем мы с вами. А если больному трудно дойти до кухни, чтобы налить стакан воды, а кто-то, живущий с ним рядом, забыл этот стакан воды поставить, то пожилой его и не выпьет, и жажды не почувствует. Сегодня мы обучали сына, как контролировать количество жидкости, выпиваемой бабушкой, чтобы не было обезвоживания, приводящего к очень низкому давлению и нарушению всех функций организма.

— Всегда ли старение — это болезнь?

— Иногда бывает здоровое старение. Можно вспомнить очень здоровых пожилых людей. У меня до сих пор перед глазами стоит академик Виталий ГИНЗБУРГ, который в 87 лет получил Нобелевскую премию по физике и выглядел так, что в него и молодая женщина могла бы влюбиться. Молниеносная реакция, психический статус абсолютно здорового человека, остроумного, находчивого… Я всегда им любовалась.

— Как отодвинуть старость?

— Человечество не очень преуспело в изучении старения и долголетия. Понятно, что старость влияет на личность, на изменение ценностей, потребностей человека, на его поведение и т.д. Многое зависит от активности мозга, образа жизни. Пока мы заставляем мозг активно работать, сохраняются все наши основные функции.

— Что приводит к угасанию функций головного мозга?

— Гипертония, склеротическое поражение головного мозга, травмы, злоупотребление алкоголем и многое другое. Но если у человека, даже страдающего тяжёлыми сердечными, лёгочными и другими болезнями, сохраняется психологическая активность и интеллект — тогда он адаптирован к этой жизни. Ему легче, чем кому-то другому, и легче его родственникам и лечащему врачу.

— То есть, достигая пенсионного возраста, лучше не бросать работу?

— Я за то, чтобы человек работал до тех пор, пока он чувствует в себе силы. Но беда в том, что у нас вынуждены работать и те, кто уже этих сил не чувствует. Поэтому я не знаю даже, соглашаться или нет с нашим государством, которое собирается увеличить пенсионный возраст. Иногда мы, врачи, видим очень бодрых пенсионеров, которых даже пожилыми назвать язык не повернётся. Они комфортно себя ощущают и готовы ещё долго работать. Человеку 70 лет — а он полон сил и энергии.

Однако сейчас наблюдаем и другую тревожную тенденцию — угасание психической функции в 50 лет (я снова про поколение, пережившее 90-е годы в зрелом возрасте).

Хочу поделиться одним наблюдением. Однажды во время экскурсии по Эрмитажу я обратила внимание на множество пожилых иностранцев лет 70-90, очень бодро бегающих или разъезжающих в инвалидных колясках по музею. Они восхищались музейными экспонатами с детской непосредственностью, в их глазах светились любопытство, молодой задор, интерес к жизни во всех её проявлениях. Закончилось тем, что я перестала смотреть на картины, а наблюдала за лицами «не наших» стариков. И завидовала их энергии и бодрости, их способности излучать радость и уверенность в своих силах, которые они умудрялись сохранять даже будучи прикованными к инвалидным креслам. Вот это достойная старость! Я думала тогда о том, насколько обделены наши старики, насколько редко мы видим в их глазах такое же счастливое сияние, разве что при воспоминании о даче или о внуках.

— Посильный труд на садовом участке заставляет забыть о болезнях?

— Опять же, всё дело в мотивации, в стимуле.

Люди расплываются в улыбках и забывают о хвори при одном только воспоминании о своей даче, это факт.

Игра в жмурки на старости лет

— Алла Семёновна, могут ли пожилые тренировать свой мозг не только на работе, но и на заслуженном отдыхе?

— Мне встречались случаи, когда родственники заботятся о пожилом человеке, обеспечивают ему всевозможное лечение, но это не помогает ему избавиться от старческой немощи. Может, наоборот, стоит дать старикам чуть большую самостоятельность в жизни, заставить их мозг работать?

Если в жизни мало раздражителей — необходимо обеспечивать их самим себе. Например, ходить по дому с закрытыми глазами — это тренирует те зоны мозга, которые прежде отдыхали. Полезно писать левой рукой, если вы правша. Я уже не говорю о кроссвордах и интеллектуальных компьютерных играх, польза которых доказана учёными.

Полезно даже простое катание шариков на экране монитора, ведь любая не совсем привычная психологическая нагрузка стимулирует наш мозг, и всё новые и новые нервные клетки включаются в работу.

Пожилым показана лечебная гимнастика и очень приветствуется плавание. Но часто ли наши пенсионеры могут посещать бассейн? Многие ли занимаются в группах здоровья?

— Есть у вас общие рекомендации пожилым?

— В пожилом возрасте вряд ли найдётся абсолютно здоровый человек. Однако есть болезни, которые требуют не только медицинского вмешательства, но и самоконтроля. Например, гипертония, сахарный диабет и ишемическая болезнь сердца. Больной должен внимательно выслушать врача и обязательно применять его рекомендации. Наши больные часто ленятся или не доверяют врачам, поэтому иногда беседы проходят впустую. За рубежом люди более дисциплинированы, они все советы доктора берут на вооружение и выполняют.

Многие пациенты госпиталя считают, что надо хотя бы раз в году для профилактики полежать в стационаре, хотя это место для интенсивного лечения, к примеру, когда обостряется какое-то заболевание. Хронические болезни требуют планомерного и подчас скучного для больных «пожизненного» лечения.

А как много значит светлое и оптимистичное отношение к жизни! Человек должен просыпаться с мыслью, что его ждёт что-то радостное, а не печальные события и новые болезни. В Америке люди умеют радоваться жизни во всех её проявлениях. Знаете, как в США людей учат относиться к выявленному у них раку? Радоваться! Больной приходит в раковый кружок, и ему внушают: хорошо, что у тебя нашли рак, значит, его обязательно вылечат. Ему, как имениннику, преподносят торт со свечами, празднуют его второе рождение. Это другая психология, позитивная — чего всем нам (не только пожилым) очень не хватает.

— Существуют ли волшебные пилюли, замедляющие процесс старения?

— Я категорический противник БАДов. Иногда в них намешано невероятное количество компонентов, и никто не представляет, какое взаимодействие произойдёт в организме, если эту гремучую смесь принять. БАДы не изучены досконально. Прежде чем лекарство поступит к общему пользованию, его десятилетиями испытывают, а БАДы тщательно никто не исследовал.

Эликсир молодости наука не создала и даже к нему не приблизилась.

В 90-х мы все воспряли духом, узнав о стволовых клетках, теперь энтузиазм в этом плане поутих. Стволовые клетки тоже как следует не изучены, и вокруг — масса споров. Кто знает, чем обернётся сегодняшний эксперимент через 20-30 лет? Может, и не надо вмешиваться в природу, она мудрее нас, она создавала человека миллионы лет, а мы хотим всё мгновенно переделать… Наше вмешательство не всегда разумно.

Впрочем, отечественная наука, изучающая вопросы старения организма, сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге. Мы мало знаем, что там в центре происходит.

— Сейчас в моде народная медицина. На основных телеканалах идут передачи, рекламирующие всевозможные бабушкины рецепты. Как вы к этому относитесь, и делились ли с вами эксклюзивными секретами омоложения пациенты?

— Если и делились, то мы потом передавали их друг другу как анекдот. Допустим, некоторые мои пациенты читают журнал ЗОЖ, а я считаю его крайне вредным и вообще бы запретила это издание. То же самое касается и некоторых телепередач.

Я считаю, что информация должна доводиться до больных дозированно и очень продуманно. А когда пациент объясняет доктору, что он лечил свой сустав, постукивая по нему палкой (вычитал совет в ЗОЖ) — как врачу к этому относиться? Хорошо, что в последние годы несколько потеряла свою популярность уринотерапия…

Понимаю, что люди обращаются к народной медицине, возможно, потому, что не доверяют врачам, а больше склонны верить в чудо. К сожалению, в официальной медицине прогресс идёт не так быстро, как в электронике. Мне внушают оптимизм последние исследования в области генетики. Может быть, через поколение человечество до чего-нибудь додумается…

***

По классификации возрастных периодов ВОЗ, люди 60-75 лет считаются пожилыми, 75–89 — старыми, старше 90 лет — долгожителями. По некоторым прогнозам, в нашей стране к 2025 году на каждую тысячу человек 500 — будут пожилые и старше. Во всём мире прогрессирующее старение населения ставит перед обществом задачу —обеспечить достойную жизнь людям преклонного возраста.

Но пока от нас самих в первую очередь зависит то, будем ли мы в этом достойном возрасте людьми, распространяющими на окружающих умиротворение, мудрость, знание (или, напротив, — постоянное недовольство, ворчание). Тут многое определяет настрой человека. Одна моя знакомая за 60 — ходит в клуб любителей бега «Беркут». Другая пишет стихи и посещает самодеятельное объединение поэтов. Пожилая семейная пара этажом ниже — каждые выходные ездит на Столбы и даже нам приносит оттуда бутылочку родниковой воды.

И глядя на них, я думаю, что старость — это, может быть, благо.

Вера КИРИЧЕНКО

Фото Г. ДАДАШОВА
«Вальс на двоих»

«Братишки», Р. КУНИ и М. КУНИ. Режиссёр А. ПЕСЕГОВ. Сергей ДАНИЛЕНКО — Том Кервуд, Владимир АБАКАНОВСКИЙ — Дик Кервуд. Фото А.В. МИЩЕНКО

Будущие властители душ

Составить некий собирательный образ современного молодого актёра — того, кто в скором времени будет изготавливать культурную продукцию завтрашнего дня, — задача не из лёгких. Нынешнее поколение театральных артистов очень разнородно, и дело тут не только в типажах и сценических амплуа. Поэтому делать выводы о характерных отличиях «молодых и дерзких», приходящих на смену «старой гвардии», нам придётся на одном примере. Зато — очень ярком. Мы беседуем с актёром труппы Красноярского драматического театра им. А.С. Пушкина Владимиром АБАКАНОВСКИМ — сегодня одним из самых популярных и востребованных в нашем городе.

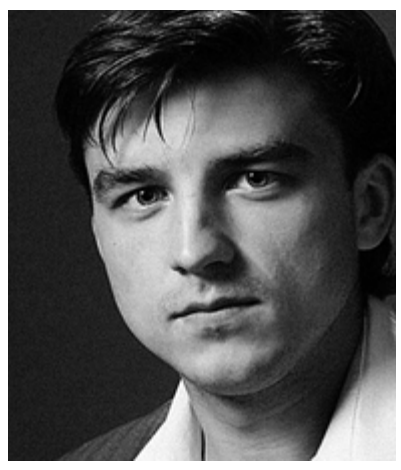
— В чём заключается главная трудность, с которой сталкивается начинающий актёр?

— Молодой актёр, который только-только пришёл в театр, всегда чего-то боится, чего-то стесняется, пытается понравиться и выглядеть подчёркнуто красивым. У него нет багажа, который помогает на сцене ориентироваться совершенно иначе. А багаж появляется только тогда, когда ты заходишь в тупик. Например, очень плохо сыграл какую-то роль, провалился. Если потом начинаешь думать, начинаешь её исправлять — то растёшь, и сразу тебя замечают.

Ещё багаж приходит от хороших режиссёров, таких, которые дают не внешнее, а внутреннее, сначала берут за душу, а потом выпускают на сцену. Багаж настоящего мэтра, заслуженного артиста — это даже не один театр и не одна сотня спектаклей. Правда, в него зрители уже влюбились, и, в принципе, он может выйти и как угодно сыграть, всё равно его будут любить. А молодой себе такого позволить не может, он должен всё время стараться, биться. Актёрская деятельность вообще всегда битва, неважно, молодой ты или опытный.

— А что уже имеется в вашем багаже?

— За те три года, что я в театре, мне повезло поработать с различными режиссёрами разных школ. Я видел, как настырно работает режиссёр, как «не очень» работает режиссёр, минусы и плюсы их подходов видел. Я научился новым приёмам для сцены. Есть такое выражение «подворовал», то есть подглядел, позаимствовал у другого актёра. Вот, например, когда я смотрю фильм и вижу, что какой-то персонаж сделал интересный жест — удивился как-то по-особенному, например, — я пытаюсь это повторить мимически. Не по Станиславскому получается, потому что там всегда нужно проживать эмоцию изнутри и на себя не смотреть со стороны. А я, наоборот, смотрю в зеркало; ведь у того актёра лицо другое, мимика другая, мышцы совсем другие. Если его гримаса на моём лице смотрится глупо, то я её изменяю по-своему. И всегда есть какая-то импровизация, если её не будет, то превратишься в робота, а это не интересно.



— А в труппе конкуренции между старшими и младшими актёрами не возникает?

— Конечно, нет. Грубо говоря, какую я могу создать конкуренцию Валерию Аркадьевичу ДЬЯКОНОВУ? Мы разные и возрастом, и опытом. Есть труппа театра, а туда уже входят и взрослые, и молодые, и маленькие, даже дети. Ты вот, например, прослушиваешься в театр, и режиссёр тебе говорит — спасибо, но у нас такое амплуа уже есть. Если же актёра берут в театр, то никогда не возьмут похожего. Кроме того, есть актёр-герой, а есть актёр характерный, и я, например, ближе к характерному, мне охота в этом вариться, потому что мне охота быть разным.

В театре никто не плывёт по течению — все идут против течения. Но никто не стремится чего-то быстро добиться, потому что в первую очередь что-то доказывают самому себе. Потом это всё проверяют через зрителя. Ведь нет такой публики, которая единодушно заявит — вот, великолепно! Обязательно найдётся тот, кому вообще ничего не понравится.

— Неужели актёры — настолько самолюбивые люди, что им хочется нравиться всем сразу?

— Вспомните, как в детстве: тебя ставят на стул — прочитай, мол, Вова, стишок. Прочитал, говорят: «Молодец!», ты стесняешься, весь красный уходишь, но, тем не менее, тебе ведь приятно. Нет ничего плохого в похвале. С другой стороны, чем больше ты будешь себя всё время сам подначивать, тем лучше. Когда мне говорят, что была хорошая актёрская работа, то я отвечаю: «Спасибо», а сам думаю: «Ну, как-то так… Надо лучше, надо ещё, ещё!». Каждый человек, в принципе, может всё.

Если я захочу, то могу через год накачать мускулы, как у чемпиона мира по бодибилдингу или стать знаменитым байкером-каскадёром. То же самое здесь, только вместо тела — душа. Душой владеть — это дар, я считаю. Не надо этим разбрасываться и постоянно говорить, какой ты замечательный. Вот на недавнем закрытии краевого фестиваля «Театральная весна-2012» (*Владимир был одним из ведущих церемонии — прим. ред.*) меня в сценарии назвали звездой. Но ни в одном из театров, где играю, я, в общем-то, не звезда — и в ТЮЗе, и в «пушке», и в Отдельном театре ПАШНИНА есть свои мэтры. Неловко вышло.

— Говорят, что актёры не чураются никакой неловкости и даже готовы на всё, чтобы получить приглянувшуюся им роль…

— Актёры — обычные люди. Есть белая зависть, когда ты радуешься за человека и говоришь: как классно! А есть чёрная зависть, которой в нашей профессии, кажется, не избежать. Слышал историю, как в одном из провинциальных театров вся труппа из зависти к ведущей актрисе из раза в раз подмешивала в мороженое, которое она ела в ходе одного из спектаклей, различный мусор… Это, по-моему, отвратительно! Что же касается роли, то была одна такая, желанная, но я её получил без всяких интриг. Очень хотел сыграть лейтенанта Падрайка в спектакле «Лейтенант с острова Инишмор» по пьесе МакДонаха. И когда Олег Алексеевич РЫБКИН начал искать претендента на эту роль, я подошёл и попросил его: «Дайте мне шанс попробоваться, а потом сравните». И — удалось. Я за три дня ввёлся в этот спектакль.

— Какие роли и каких персонажей сейчас интереснее играть? Героев ОСТРОВСКОГО и ВАМПИЛОВА, которые, надо признать, уже несколько устарели, или же персонажей из произведений современных драматургов?

— Классика никогда никуда от нас не уйдёт. Да, есть новые пьесы, которые сейчас пишутся в огромном количестве. И иногда непонятно, для кого их пишут, правда. Смысл в том, что современного героя играть — это ближе к тебе. Ты этой жизнью живёшь сейчас, ты знаешь толком, что можно сделать. То, что люди видят вокруг себя — это же они увидят и на сцене. Но классика… Мы родились после классики, мы не жили в то время. Мы не знаем, что такое котелки и правильность осанки, мы не знаем, что такое настоящий этикет. Сейчас у жизни совсем другой характер.

Я бы хотел побывать своей шкурой, своим мозгом, своей душой в том времени, когда были, например, гладиаторские бои. Я, простой житель 21 века, со своим темпераментом — кем бы я был тогда? Вот попробуйте задать себе этот вопрос. Когда ты берёшь какую-то роль из классики, ты делаешь что-то неизведанное. А когда ты берёшь роль из нашего времени… Здесь, конечно, тоже может быть какое-то новшество, но этот образ ты можешь подсмотреть везде. Какие-нибудь субкультуры. Мне однозначно куда интереснее классика.

— Однако получается, что классика требует большей подготовленности, большей нагрузки перед каждым спектаклем?

— Про других я не буду говорить, а про себя скажу, что это не зависит от тематики. Если спектакль сложный в плане пластики или каких-то эмоциональных затрат, то времени на подготовку тратится больше… Есть же роли такие, где ты варишься очень комфортно — тебе не нужна особая разминка. Например, «Старший сын». У меня там коротенький выход, но я эту роль очень люблю и перед ней физически не разминаюсь — только речевой аппарат. Когда ты варишься в такой лёгкости, то можешь импровизировать. Сложные роли — например «Заводной апельсин» — требуют иного. Там ты танцуешь, ты физически должен выкладываться, причём выглядеть так, словно тебе это даётся очень легко. Или, например, «Эти свободные бабочки». Хотя я там не прыгаю, это длинный спектакль, и эмоционально я затрачиваюсь очень сильно. Перед ним я много физически разминаюсь, твержу скороговорки.

— Что нужно актёру для развития в первую очередь?

— Свой режиссёр.

— Этого достаточно?

— Да, но это должен быть именно твой режиссёр, именно тот, который будет тебя развивать. Вот мне сейчас 27 лет, и часть из них для профессии утрачены безвозвратно. С самого детства я растягивал себя в разные стороны, занимался всем, чем только можно. У меня второй взрослый разряд по биатлону, бронзовая медаль чемпионата России по степ-аэробике. По первому своему образованию я — учитель музыки, потому что мама твёрдо заявила, что её сын будет не биатлонистом, а баянистом. После музыкального колледжа сначала хотел пойти в армию и стать военным. Мне это было тогда интересно почему-то. Ну, как интересно… Я просто не знал, что мне делать. Притом что мой отец — режиссёр, у него свой любительский театр. Он мне всегда говорил, что я никогда не стану актёром, и я, в принципе, поступал в академию, чтобы доказать ему обратное. Но когда стал сдавать вступительные экзамены, втянулся. И сам себе сказал, что хочу поступить и закончить.

Сейчас же я вижу своё развитие только в том, что связано с актёрской профессией. Я стараюсь играть как можно чаще, создаю для этого соответствующие условия, потому что это мне интересно. И не остановлюсь, наверное, даже когда мне стукнет сто лет.

— Поскольку у вас такой богатый соревновательный опыт, скажите, актёрство — это своеобразный спорт?

— Это армия. Ты должен вставать вовремя, приходить вовремя, быть вовремя готовым, размятым. Нельзя злоупотреблять дурными привычками, потому что ты должен всегда себя держать в руках. Если ты не держишь себя в руках, то это будет на спектакле видно. Кто-то сказал, что в такой профессии невозможно обойтись без алкоголя. Но, например, вчера была премьера «Заводного апельсина» — и ещё мой день рождения. После спектакля — банкет. Там я просидел часа два, само собой, пропуская все тосты. Толком не отдохнул, не расслабился, потому что с утра у меня сказка, я должен петь, должен быть в голосе. Актёр — это в том числе и некий объект, которому сказали делать что-то, и он делает. Почти робот. Режиссёр говорит, ты делаешь — и ты же потом всегда виноват, если получилась ерунда.

— А удовольствие от этого большое? От армии-то немного удовольствия получаешь… Или деньги?

— Скажем прямо, актёр не зарабатывает много. Есть спектакли, в которых я играю ради денег, но театр для меня — это, в первую очередь, душа. И если я буду думать только о деньгах, то никогда не вырасту. Я уже говорил про спектакль «Эти свободные бабочки» — это, по сути, антрепризная постановка…

— Принято считать, что в антрепризах актёры играют, в основном, ради дополнительного заработка…

— Как раз там я играю вовсе не ради денег. В «Бабочках» — моя любимая роль (*прим. ред. — роль слепого от рождения молодого человека*), от которой я получаю настоящие сильные эмоции. Я постоянно ощущаю в ней всё новые краски, рост определённый. Туда много можно привнести. Я даже разговаривал со слепыми людьми… Когда мы репетировали эту роль, я пробовал в своей квартире ходить, зажмурившись, пытаясь ощутить направление. Спотыкался, задевал какие-то вещи, у меня падало что-то, и я понимал, как это сложно. Эти люди не видят мира, красок, они только чувствуют. Это первый спектакль, когда я искренне в финале плачу, — не оттого, что мне надо заплакать, а оттого, что мне жалко таких людей. В этой работе я очень честно работаю, не лукавлю.

— А зачем лукавить?

— В большинстве работ, где я лукавлю, я делаю это для того, чтобы как-то посмешить зрителя. По идее это тоже неправильно, потому что шутка должна рождаться иначе — как будто ты не хотел шутить, а так получилось. Но я всё равно так делаю — мне хочется пошутить на сцене.

— А может что-то такое случиться, после чего театр отойдёт на второй план, как биатлон или уроки музыки?

— Нет, ничего такого произойти не может. Это — моё. Я нигде не смогу больше работать, потому что я тот человек, который никогда не сидит на месте. Если я, например, сутки отдыхаю дома, то превращаюсь в амёбу, потому что нет определённого дела. Я не смогу работать охранником, продавцом или даже учителем музыки, мне это неинтересно вообще никак. А в актёрской профессии я могу примерить на себя и тот образ, и этот, и этот. И каждый раз будет получаться что-то новое.

— Но ведь трудиться приходится постоянно, да ещё и в невероятно плотном графике…

— Да. И я надеюсь, что так будет всегда.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

«Я ощущаю наше время как какофонию»

Общеизвестно, что каждая эпоха находит отражение в литературе. О том, как видят наше время молодые литераторы, мы поговорим с Ольгой РИМШЕЙ, лауреатом независимой премии «Дебют-2010».

— Оля, что для тебя эпоха — люди, события? Есть ли у тебя примеры, когда человек становится олицетворением эпохи?

— Несомненно, эпоха — это люди, потому что они есть творцы событий, как ни крути. Это неправильно, если люди становятся заложниками событий, это даже странно. Вот если б я не была настолько ленива, я бы не писала повести и прочую ерунду, а изменяла мир к лучшему.

Я в детстве мечтала создать такую организацию, которая бы заботилась о бомжах. Теперь я выросла, и мне что-то не хочется этим заниматься. И мне кажется — со многими так случается, хорошо, что не со всеми.

А что ты имеешь в виду — олицетворение эпохи? Типичный портрет? Таких людей много, скорее исключение найти трудно, мы ведь все живём в одном времени, воспитываемся в одних условиях, для нас важны какие-то общие временные проблемы.

— Тебе комфортно в том времени, в котором мы живём?

— Я ощущаю наше время как какофонию. Слишком много всего: людей, идей, движений, направлений. И всё это в каком-то бешеном ритме. Одно умирает, другое тут же рождается, и нужно всё больше и больше, быстрее и быстрее… Очень сильно от этого устаю. Сама жизнь где-то теряется, остаётся гонка за впечатлениями, информацией.

В глубине души я вообще против прогресса, разве что кроме медицинского. Ненавижу выражение — бери от жизни всё. Мне не нравятся эти странные советы, которые наводнили Интернет, типа «будь смелым, совершай ошибки, ждал знака — вот он!»

Для меня жизнь — она внутри, а не снаружи.

— И как, на твой взгляд, выплыть из этого моря информации? Как остановить эту гонку?

— Выкинуть телевизор! Конечно, фигурально выражаясь. Иногда и телевизор посмотреть не лишнее, но не нужно из головы делать мусорный ящик, впитывать кучу информации, в которой нет необходимости. А ещё не нужно бояться, что чего-то не успеешь. Торопиться не надо, всему своё время. Хотя и пробовать надо. Главное — себя не потерять.

— В чём ты себя пробуешь? Что вообще в своей жизни ты ощущаешь именно как пробу?

— Трудный вопрос! В творчестве, наверное, легче всего себя пробовать, придумывать что-то, писать. Моя нынешняя работа — сплошная проба.

А вообще, если детство вспоминать, то чего я только не пробовала! Петь, танцевать, спортом заниматься. Ничего не вышло.

— А что ты планируешь ещё попробовать?

Ольга Римша родилась 1 марта 1988 года в Новосибирске, где и живёт. Окончила Сибирский институт международных отношений. Редактор литературного портала «Белый мамонт» (www.belmamont.ru), работает в театре «Глобус» в постановочной части.

В 2010 году стала лауреатом премии «Дебют» в номинации «Крупная проза». Повесть «Тихая вода» уже переведена на китайский, сейчас переводится на английский.

Читка пьесы «В чёрной комнате маленькое окно» состоялась в театральном зале Новосибирской областной научной библиотеки при поддержке Товарищества сибирских драматургов «Драм-Сиб» в начале марта этого года.

— Написать сценарий для фильма. Думаю, это будет вполне реалистичная история, но может быть, с каким-нибудь фантастическим вывертом. Я и пьесы хочу писать, и прозу. Просто сценарий — это что-то новое.

— Как в тебе проснулось стремление к писательству? С чего у тебя всё началось?

— Однажды я просто решила попробовать. Уж не знаю почему, ехала в автобусе, радужные блики на пыльном стекле… Почему-то в транспорте, вообще в дороге, я ощущаю счастье существования. И вот мне в голову пришла история, очень короткая. Я пришла домой и сразу её записала. А потом перешла к роману. Не знаю, как так вышло. Просто если у тебя что-то получается, ты чувствуешь несказанное удовольствие и, соответственно, хочешь это повторить. Много раз. Это наркотик. Вырабатываются гормоны радости.

— Это был тот роман, который помог тебе выиграть в «Дебюте»?

— Нет. Это роман, который я никому никогда не покажу! Проба пера. Но когда я писала его, чувствовала себя гением и счастливым человеком, наконец-то нашедшим любовь, выжившим в авиакатастрофе, не знаю! Чуть ли не Господом Богом.

— Как к тебе приходят эти истории, тебя «осеняет»? Или ты скрупулезно прописываешь все сюжетные линии перед тем, как начать? Просто для меня огромное чудо — вот так взять и до деталей сотворить новую историю.

— История вырастает из какой-нибудь ерунды или мечты. Например, пьеса «В чёрной комнате маленькое окно» началась с того, что я увидела по телевизору сцену Театра.doc. И всё — дальше не помню, меня понесло! Бывает, что финальные сцены приходят раньше. В общем, для меня написание истории — это собирание мозаики в моём мозгу. Иногда держу всё в голове, иногда записываю. Одно знаю про себя: передерживать идею нельзя, так в голове и останется, причём в готовом виде — уже ни в чём не нуждающемся. Как произошедшее событие.

— В твои тексты часто попадают твои близкие и друзья?

— Редко, вообще-то. Чаще — не слишком близкие знакомые, которые не стоят перед глазами, когда пишешь. А значит, можно выдумывать их, и никто не узнает!

— Какие темы для тебя наиболее интересны?

— Тема смерти, как это ни ужасно. Я это вычислила опытным путём, никогда специально над этим не задумывалась. Ещё тема страха, любви и освобождения. Всё банально. Вообще, самое интересное, это, конечно, взаимоотношения людей между собой, с самими собой, с миром, с Богом и так далее.

— Почему, как ты думаешь, именно такой «набор»?

— Когда пишешь, не анализируешь себя, а потом как прочитаешь… Можно диагнозы ставить. Почему такой набор? Потому что я такая. По-другому тут нельзя ответить.

— Как тебе в театре? И работать, и писать пьесы?

— Это совершенно разные вещи. Работать в театре и хорошо, и плохо. Это странный мир, который затягивает со страшной силой и превращает в своего раба. Часто я чувствую себя ребёнком подземелья. Из театра, по-моему, нужно выйти, чтобы написать пьесу. Что я и собираюсь сделать. Закулисье вообще лишает сказки. Это как хирург; когда он каждый день видит всякие внутренности, наверное, и на человека как-то не так смотрит.

— Есть ли у тебя примеры для подражания — такие гуру литературы? Из классики или современности.

— Андрей ПЛАТОНОВ. Он гениально использует слова. Для меня писатель — это прежде всего тот, кто владеет речью, языком. Это инструмент писателя, по аналогии с музыкантами, например. Вот Платонов — он виртуоз! Я не знаю, как он это делал, но я испытываю эстетическое удовольствие от его текстов. Это высшее мастерство. Потому что не важно о чём, важно как.

— Как ты работаешь над своими текстами? Как оттачиваешь слово? Много черновиков, или всё приходит почти готовым?

— Мне незнакомо слово «черновик», ведь у меня ноутбук! Я даже и не замечаю, как часто я правлю текст. Но я правлю! Проговариваю про себя. Хочу, чтобы звучало красиво.

Нужно сказать, что у текста своя особая красота: бывает и коряво, странно, но красиво!

Анна ТРАПЕЗНИКОВА

Отрывок из пьесы «В чёрной комнате маленькое окно»

Артём оттаскивает матрац к стене, усаживается и с интересом наблюдает за Машей. Маша достаёт из ящика яркие украшения (птицы, бабочки, цветы, сердечки и так далее) и развешивает их по стенам. Комната становится пёстрой.

Артём: А какой он, ну, тот?

Маша: Он хуже тебя. Сейчас мне так кажется.

Артём: Кажется?

Маша: Он был китом. Жирный хвост, твёрдый лоб и толстая кожа. Тело как дом. Мы плыли рядом, и я не боялась рыб-прилипал. Мы спускались в чёрную глубину, там звуки разносятся на мили, как из трубы. Ду-у-у-у…

Артём: Ну, если он так хорош, почему ты не с ним?

Маша: Мы плыли ночью и днём, я легче и глупее, я всегда смотрю туда, где красиво. Я засмотрелась на рыбок, оглянулась, а его нет.

Артём: Он смылся.

Маша: Нет-нет, он отстал. Меня отбросило подводным течением, я же говорила, я ведь намного легче! Это я виновата. Мне следовало держаться за него, а я вертела головой.

Артём *(с ревностью)*: Почему ты он нём жалеешь?

Маша: Ты тоже кит, сильный и большой. А я маленькая, мне нужна опора. Тебе трудно меня понять.

Артём: Я постараюсь.

Маша колеблется.

Маша: Только в море у меня есть время. Когда меня выбрасывает на сушу, я бесполезно старею.

Артём: Ты ещё совсем маленькая.

Маша: Я больше не вырасту.

Артём: Ты крошечная.

Маша: Я только старюсь, больше не расту! Мне нужно торопиться! Мои часы идут быстрее твоих и его.

Артём: Так не бывает.

Маша: Но я ведь чувствую! Как внутри тикает сердце. Очень быстро, у тебя явно медленнее. А раз тикает оно быстрее, то и заглохнет быстрее. Мне нужно торопиться.

Артём: Куда?

Маша: Мне нужно кое-что сделать. Я не могу умереть просто так.

Артём подходит к Маше, обнимает её, гладит по голове.

Артём: Маленькая, маленькая девочка, ты ещё совсем крохотулечка… Ты никогда не вырастешь, ты всегда будешь девочкой, смешной малюсенькой девочкой, глупым испуганным ребёнком, крошечной беззащитной доченькой…

Маша обнимает Артёма.

Маша: И ты мой маленький.

Садятся на ящик лицом в зал.

Артём: Когда я был маленьким…

Маша: Мама кормила меня грудью.

Артём: Наверное, молоко было жутко вкусным…

Маша: Правда, я теперь и не помню его вкус.

Артём: Когда мне было страшно, я плакал…

Маша: И мама брала меня на руки.

Артём: Она качала меня.

Маша: Пела песни.

Артём: Каждый день она гладила меня по животику…

Маша: По спинке…

Артём: Целовала пяточки…

Маша: Щупала ножки…

Артём: Это продолжалось так долго, что я привык.

Маша: Мама всегда была рядом.

Артём: Я думал мама — это Бог.

Маша: Что бы ни случилось…

Артём: Она приходила на помощь.

Маша: Она обнимала меня…

Артём: И это был мой мир.

Маша: Она улыбалась мне…

Артём: И я думал — это Добро.

Маша: Она говорила мне…

Артём: И я слышал Мудрость.

Маша: Она держала меня за ручку…

Артём: И я чувствовал Покой.

Маша: Она отгоняла от меня злую собаку…

Артём: И я понимал, что есть Спасение.

Маша: Она любила меня ни за что.

Артём: Она любила меня за то, что я был.

Маша: Она меня любила.

Артём: И я понял — что такое Любовь!

Маша: Она меня любила.

Артём: От этого я был Человеком.

Маша: Она меня любит.

Артём: Но я-то вырос.

Маша: Она больше не берёт меня на руки…

Артём: Я слишком большой.

Маша: Она не кормит меня грудью.

Артём: Я пью пиво.

Маша: Она живёт в другом месте.

Артём: Я строю свою жизнь.

Маша: Но как мне хочется, Господи, как я хочу!..

Артём: Чтоб меня любил кто-то просто так…

Маша: Просто за то, что я есть.

Артём: Чтобы кто-то гладил мне живот, спину, целовал пятки, давал грудь!

Маша: Чтоб он защищал меня и говорил со мной.

Артём: Как же мне нужно это!

Маша: Без этого я не чувствую…

Артём: Что я Человек.

***

Артём сидит на ящике. Маша в это время спит. Сзади на экране демонстрируются кадры катастроф, терактов, взрывов и так далее.

Артём: *(медленно)* Завтра снова будет взрыв. В метро, аэропорте, поезде, театре. Кто-то купит билет, зайдёт в вагон, сядет или встанет, сбоку или спереди, в толпе или так, в сторонке. Зона поражения огромна. Ты не убежишь и я не убегу. Болты заберутся к нам в головы, животы, голени. Снова будет взрыв. Снова ошмётки, как после рыбы, гадость. Большие люди в одежде как в мешках. Родственники как забытые дети на вокзале. Крысиное чувство… бежать, бежать, бежать!!!

(*кричит*) Не отпускай меня, пожалуйста, не теряй. Я знаю, знаю, со мной так трудно. Я привык, понимаешь, привык бояться, но это всего лишь чувство самосохранения. Только так, моя хорошая, можно выжить. Не ходи туда, где опасно, не делай того, что вредно. Ври, если надо, так лучше, понимаешь, только лучше! Не отпускай меня, мне так страшно. Я не могу один, я не справлюсь. Всё так ненадёжно, чёрт, Господи, как всё ненадёжно! Я ничего не могу задержать, всё ломается, крушится, ломается, изымается, утекает, убегает, стирается, взрывается!.. Я изо всех сил, изо всех сил стараюсь, я силюсь до смерти, жизнь моя, ничего не удержать! Задержи меня, милая моя, я так не могу! (*пауза, спокойно*) А один мне сказал — если боишься, ты уже умер.

Я сидел у себя в комнате и ждал, когда они придут. Я смотрел на дверь и ждал — сейчас кто-то схватится за ручку, повернёт её, дверь откроется, и я, наконец, их увижу. Нет, мне неважно, мужчины это или женщины, какого цвета их кожа, что у них на уме, зачем они приходят то и дело, кто у них Бог, как живут их дети, каким дерьмом питаются, какое рваньё носят. Ждут ли они чего-то, и если ждут, то чего, боятся ли они смерти, дорожат ли хоть чем-то, плевать мне на это. Мне неважно, кто за ними стоит, сколько стоит их приход, почему они пришли именно ко мне, сколько лет их учили этому, приносит ли им это удовольствие, удовлетворение, пользу. Страдают ли они. Нет, мне неважно, как из зовут, кого они любят и ненавидят, как докатились до такого, мечтают ли они, верят ли, думают ли вообще. Мне важно только, что они придут. Я не знаю, с чего я решил, что придут они именно ко мне. Я и не думал на этот счёт. Я просто сидел и ждал, сидел и ждал. Смотрел на дверь, дверной косяк, дверную ручку. Жизнь проходила, а я смотрел и смотрел. Цель моего существования сузилась в один вопрос — когда они к черту придут? Когда, наконец, придут? Господи, когда же они придут? Я устал ждать, устал сидеть, смотреть и ждать. Вонючие сволочи, они так и не пришли. Я ждал их всю жизнь, они так и не пришли! А один сказал мне — ты уже умер, зачем тебе ждать их?

СФ

Гнездо улитки

Скажите, дорогие взрослые, кто такой ребёнок? Человек, не достигший совершеннолетия? Маленькая копия нас самих: носик — от бабушки, глазки — от папы? Или это загадочный пришелец, окутанный мистической аурой цвета индиго? Мои поиски ответа проходят сразу в трёх пространственно-временных точках: воскресный торгово-развлекательный центр «Планета»; холл СФУ в понедельник; квартира многоэтажного дома субботним вечером.

Волевые игры

Жёлтый стикер, извлечённый из кармана, напоминает: я жду девочку Катю. Её мама пять минут назад предупредила — скоро подъедут. Катя оказывается девочкой одиннадцати лет: кареглазой, тоненькой, с выступающими «крылышками» лопаток. Предлагаю: «Поднимемся наверх?». Катя порывисто обнимается с мамой. Мы уходим.

— В какой школе ты учишься?

— В 9-м лицее.

— Чему же там учат?

— Разным наукам. Математике, русскому языку. Думаю, мы изучаем их более углублённо, чем в обычных школах. И ещё у нас есть форма тёмно-синего цвета. И нельзя бегать на переменах. Всё это дисциплинирует.

— Ты единственный ребёнок в семье?

— Есть младший брат, ему восемь.

— Вы ладите между собой?

— Честно говоря, не очень. У нас разногласия почти во всём. Он ведь мальчик.

— Смотри, магазин игрушек. Хочешь зайти?

— Да нет, я уже не играю. Вот в магазины одежды хожу, чаще всего — с мамой. Она мой лучший советчик.

— Вы обнялись, поцеловались, хотя расстаётесь совсем ненадолго. Так принято в семье?

— Да. Мы поддерживаем друг друга. Брат иногда может не называть меня по имени, просто дёрнуть за руку и начать что-то говорить. Это не очень вежливо, но я не обижаюсь. Сегодня вот с мамой поедем болеть за него: у брата будет хоккейный матч в Ледовом дворце «Арена. Север». Он сначала собирался стать пловцом, но не сложилось, теперь мечтает о карьере хоккеиста.

— А у тебя какие хобби?

— Вчера ушла из плавания, сделала выбор в пользу народных танцев.

— А почему ты не выбрала бальные танцы, к примеру?

— У меня движения более «народные». Есть современные танцы — хип-хоп и всё такое. Они просто ритмичные, а народные — они тоже ритмичные, но гораздо удалее.

— Бассейн, танцы, лицей — не слишком большая нагрузка для тебя?

— Было ещё изобразительное искусство. Меня заметила учительница ИЗО и пригласила заниматься в студии. А бассейн нужен был, чтобы исправить осанку. Мои родители тоже много работают: папа — железнодорожник, мама — воспитатель в детском саду. Иногда она очень сильно устаёт, приходит домой и до слёз расстраивается, что пяти-шестилетние дети её не слушают.

— Ты чья дочка?

— Больше мамина, наверное. А брат больше тянется к папе. Он же хоккеист, поэтому дома иногда бывает кавардак.

— У тебя есть домашнее прозвище?

— Папа зовёт «кисой». Наверное, потому, что я люблю кошек. У бабушки их целых три! Одну кошку — Жору — привезла моя тётя. Мы дали такое имя, потому что кошка много ест и ужасно толстая. А снежно-белого кота с чёрной «звёздочкой» на лбу я назвала Милки. Мечтала, чтобы он жил у меня, но мама против. За ним ведь нужно постоянно прибирать, а я в школе.

— Твоё самое значительное достижение на данный момент?

— Победа во Всероссийской олимпиаде по природоведению. Я не очень-то ориентировалась в этом предмете, но сумела сама во всём разобраться.

— Как складываются твои отношения с одноклассниками?

— Мальчики считают, что у меня в голове карта памяти, как у робота. Часто просят помочь с уроками. Говорят, я умная.

— Кать, а ты любишь путешествовать?

— Очень. Я была с ансамблем в Венгрии, в Будапеште. Мне нравится уезжать, но я обязательно должна возвращаться домой. Я своих родных не брошу.

— Страна твоей мечты?

— Англия. Вообще, я мечтаю поехать туда и пообщаться с любимой актрисой Анной Попплуэлл, сыгравшей в «Хрониках Нарнии». Сейчас я занимаюсь английским, хочу зарегистрироваться на «Facebook». Возможно, у меня получится пообщаться с Анной заочно.

— Удачи тебе. Ты вообще хорошо выглядишь и держишься молодцом.

— (*смеётся*) Это потому, что мама мне сказала с утра: «Катя, ты можешь сегодня накрасить ресницы». У меня как раз недавно появился набор настоящей косметики, и я воспользовалась случаем. В лицей вот лучше не краситься, а то ещё на уроки опоздаешь… А если серьёзно — мне понравилось беседовать.

Секреты утренних пробуждений

Хотя Никите всего 7 лет, у него на всё есть свои теории: как надо управлять государством, какое письмо написать президенту, почему следует дружить с Китаем и зачем советоваться с детьми по поводу управления страной. А всё же он ещё маленький, пусть и школьник..

— Никита, у меня диктофон есть. Мы наш разговор запишем, но твой голос в записи будет звучать немного иначе.

— А я знаю. У моей мамы в телефоне такое есть. И голос нормальный получается. А ещё можно сфотать, или видео снять, а потом сохранить.

— Ты прямо специалист по технике. В школу нравится ходить?

— Да там ничего особенного. Правда, там у меня друг есть, Илья. Только нам придётся раздружить, потому что если я с ним не соглашаюсь — он дерётся.

— Разве может зваться другом человек, который тебя обижает?

— Он не доходит до насилия. Я научу его не драться и ещё буду с Ильёй дружить. Драться, даже слегка, — плохо. Но я умею обороняться. Папа научил бороться, вот так (*показывает движения*): рукой можно давать… ногой. Только мой папа уже никогда не будет мне учителем, потому что я его побеждаю. А кого побеждают — не может быть учителем. Это я теперь могу учить.

— Кого, например? Брата? Ты один в семье?

— Пока да. Ну, сестру я бы не очень хотел. Когда девочки взрослые… ну, вы вот, например, это ладно, а когда маленькие — их в школе обижать нельзя, а они нас обижают.

— Гулять любишь?

— Ооо, обожаю! Но иногда — не хочется, ну совсем. Я люблю компьютерные игры. И хочу создавать мультики. Буду рисовать типа «Шрека», компьютерные. Как Бен Теннисон, знаете?.. Он учился в пятом классе и, представляете, нашёл часы, которые не смог снять с руки, потому что их создал инопланетянин, Кракин. Эти часы Омнитрикс дают возможность превращаться в десять инопланетных супергероев.

— Тебя так поразил этот мультфильм: и сюжет запомнил, и имена героев.

— Ну, это для меня как для взрослых работа, деньги, миллионы! Это же настоящий боевик!

— Ты считаешь, для взрослых деньги и работа — главные ценности?

— Это слава. Знаете, кем я хочу быть, когда вырасту? Президентом! То есть папа будет президентом, а я — великим учёным. Папа даст приказ изобрести такой прибор, типа тех часов, и я изобрету!

…У меня есть предчувствие: есть конец космосу. Просто мы пока не можем улететь за пределы, как будто натянута такая «плёнка», которая не пускает.

— И из-за этой «плёнки» кто-то следит за нами?

— Ну так Бог же. Он нами управляет. Есть легенды, что Христос прилетел на Землю. Я бы всё на свете отдал, чтобы узнать: кто ещё есть в мире, кроме нас, какие-нибудь чудовища в Галактике, например.

— Именно чудовища?

— Не обязательно. В чудовищах я что-то не уверен. Просто хочу, чтобы был кто-то разумный, кроме людей. А почему Бермудский треугольник считают таким опасным?

— Там пропадали корабли.

— А я думаю — там упала комета, и потом остались души тех, кто на этой комете прилетел. Я смотрю «Битву экстрасенсов». Боюсь иногда, но смотрю с Кириллом, мы с ним знакомы с памперсов… Ну, в смысле, давно.

— А ещё чего ты боишься?

— Раньше боялся зомби. А один раз мне приснилось, как кто-то чёрный скрёбся в окно и пожирал цветок, стоящий на подоконнике. И что вы думаете? Наутро оказалось, что цветок действительно кем-то погрызенный стоит. А вообще, я больше всего боюсь зубного врача. И у меня, знаете, какая теория есть?

— Какая?

— Мы почему утром плохо просыпаемся? Да потому, что ночью наши души превращаются в разных монстров… Ну, не в принцесс же им превращаться, да? И вот мы сражаемся, а утром такие уста-а-авшие.

— У тебя удивительное воображение. Поделишься самой заветной мечтой?

— Я построю робота высотой до потолка, сейчас нарисую (*изображает в моём блокноте вооружённого робота, сползая от усердия на пол)*. Самый лучший человек на земле — это продавец игрушек, я думаю.

— Ты убиваешь зомби в компьютерных играх. А в жизни…?

— Я мог бы убить птицу или зверя для пропитания (*задумался*). Трудно ведь жить на маленькую пенсию, как у бабушки. У меня дедушка и дядя — курят. Это уже рублей пятьсот. Вот я курить не буду. И пить сильно не стану, потому что лимонад вкуснее.

— Где работают твои мама с папой?

— Мама — в университете, а папа раньше протирал стёклышки в банкоматах (*говорит сам себе: «И зачем он это делал, интересно?»*). А теперь он электрик (*на самом деле папа Никиты работает инженером снабжения — ред.*).

— Ты когда вырастешь — женишься?

— Да. На красивой и богатой женщине. Хотя главное, конечно, то, что внутри. Ум — это главное. Но она должна быть блондинкой.

— Каким ты точно никогда не будешь?

— Толстым. Если стану толстым, лучше буду сидеть дома, чем позориться.

— А что будет после жизни?

— Смерть. Есть житьё, а потом — к Богу или к чёрту. Я бы к Богу хотел попасть…

— Ты необычный.

— Ага. У меня в мозгах всё время создаются какие-то вещи: недавно я нарисовал двигатель для мусоровоза. А вот мама сварила вместо макарон с сыром макароны с какой-то ерундой. Вот этого я не могу понять.

Зелёнчатые леопарды

Вечер, выходной. Пытаюсь читать «Русский репортёр» под шум хоккейного матча, идущего по ТВ. Моя четырёхлетняя дочь сосредоточенно пыхтит над листком выгнувшейся от разведённой акварели бумаги. У неё над головой «крыша» из раскрытого зонтика-трости. Она «в домике».

— Софья, поговори со мной как с журналистом.

— Опять статьи пишешь? Это чтобы были деньги, и можно было мне купить сок, Киндер-сюрприз и лекарства, если ушки заболят?

— Примерно так. Что ты рисуешь?

— Улитку. Вот у неё ро-о-ожки, вот па-а-анцирь. И разноцветная. А рядышком я нарисую её улитят.

— Маленьких улиток?

— Ну да. Ты мне обещала узнать в Интернете, как улитки рождаются.

Я знаю, как рождаются дети, как львята, даже бабочку мы видели: как она становится куколкой, а потом весной вылезает и расправляет смятые крылышки.

— Что ещё тебе запомнилось из наших «интернетных» прогулок?

— Как устроена Земля, Солнце, другие планеты… как всё вращается в космосе. Динозавры понравились. И Гагарин, который летал на ракете. Вообще, мама, ты бы должна знать, что больше всего я в компьютере люблю мультики.

— Про кого?

— Ну как же. Ты, наверное, витамины давно не пила и не помнишь. Я люблю про смешариков, про Красавицу и Чудовище, про лесных зверей, «Двенадцать месяцев», «Путешествие Нильса», про кота Матроскина. Особенно обожаю Чипа и Дейла.

— Они симпатичные и находчивые?

— Нет, они не дают Дональду Даку срубить своё родное дерево, в котором их домик расположен.

— А ты свой дом любишь?

— Ты же любишь наш дом. А я люблю тебя и папу. И бабушек, и дедушек, и тёть. Но особенно котят. Ты обещала, когда я стану взрослая, ты мне заведёшь котёнка, и я назову его Фигаро.

— А что это у тебя получается на бумаге — дерево?

— Дерево Чипа и Дейла. Видишь, я даже ничего не закрасила чёрным, ты не любишь, когда я рисую чёрным.

— Потому что он мрачный и строгий. А куда ты хочешь поехать больше всего?

— В Турцию. Там море, песок и лягушатники.

— Что это?

— Дедушка говорил, там есть маленькие бассейны для маленьких детей и море, вот я всего этого хочу. Только нужен спасательный круг, наверное. Ещё я хочу поехать в Москву, чтобы встретить там Дениску.

— О каком Дениске речь?

— Ну мама… Тот Дениска, про которого Драгунский написал «Денискины рассказы». Я люблю рассказ про манную кашу, про то, как ребятишки не умели выговаривать буквы и говорили «фыфки» вместо «шишки». Ну и про зелёнчатых леопардов, конечно! Я же леопардик (*довольно осматривает свои руки, покрытые зелёными пятнышками — у Сони ветрянка*).

— Скорее бы ты закончила болеть и пошла в детский сад.

— Ну не-е-ет, в садик не хочу. Я не хочу вырастать, буду всегда маленькая, и ты будешь носить меня на ручках. Когда я вырасту, ты начнёшь стареть.

— А о чём ты мечтаешь, кроме котёнка?

— Побывать в дельфинарии. Как думаешь, если я вот так построю дельфинчиков, это будет дельфинарий? (*отвлекается от рисунка и составляет в ряд игрушечных дельфинов*). А вот так (*присоединяет к ним матерчатого кота*) будет котярий, а так (*добавляет в компанию уточку*) — утярий.

— Изобретательно. А какие книги тебе нравятся, кроме «Денискиных рассказов»?

— «Винни-Пух», «Ветер в ивах», стихи Чуковского, Агнии Барто. Ещё нравится детская Библия и то, как ты её объясняешь. Только, мама, я никак не могу понять, как выглядят Бог и дьявол. Мне кажется, они похожи на добрую и злую сторону Дональда Дака, когда он сомневается, как поступить: пойти на работу или на рыбалку. Добрая сторона в белой одежде и с кругом на голове, а злая — с рожками и вилкой.

— Всё может быть. А что это ты нарисовала рядом с улиткой?

— Это её гнездо. Она живёт там со своими детьми. Их так никакая птица не съест.

Раздаётся телефонный звонок, Соня убегает беседовать с бабушкой. До меня доносится: «А после ветрянки останется пожизненный имму-ни-тет и клетки-антитела… Мама сказала, кто ж ещё? Я же не бездомная».

Пройдясь по спирали — от одиннадцатилетней Катерины до детсадовской Сони — я почувствовала и радость, и сожаление. Жаль, что наши дети вынуждены так быстро взрослеть: слишком высокие требования к успешности ребёнка предъявляет современный мир, тут не поиграешь особо. А радостно потому, что не все ключи потеряны: я понимала их, они — меня. И любой из «отцов» обязательно своих «детей» поймёт. Если вы — по любви и по совести, то и они так же. Рассматривайте детские рисунки, находите время безоценочно и доверительно поговорить с сыновьями и дочками. Это же здорово — иногда выныривать из потока бумаг и мегапикселей и заглядывать в гостеприимное гнездо разноцветной улитки.

Время с детьми проводила
Татьяна МОРДВИНОВА

Николаево детство

Мой отец — жизнелюбивый человек. Нелегко понять, откуда в нём это качество. Потому что лёгкой жизнь его точно не назовёшь. Ведь он из поколения, на детство которого пришлась война и послевоенные годы. Но легче лёгкого сказать, что все люди тогда были такими, закалёнными трудностями, что ли. Однако это неправда: его поколение, как и все другие, было разным.

Собственно война, выпавшая на долю моего отца, для меня долгое время оставалась событием мифическим. Долгое — это примерно до моего одиннадцатилетия. Конечно, я знала и год рождения отца — 37-й, и место его рождения — Белоруссия (которая, как известно, выжжена была фашистами почти дотла), и слова «Великая Отечественная» были для меня не просто сочетанием слов, а зримой чередой событий и людей, которые советским детям «доносились» системно — в книгах, фильмах, экспозициях музеев. И всё же это оставалось в той части сознания, где прошлое стало прошлым и не пересекалось никак с моим настоящим.

Пересеклось это благодаря моей учительнице русского языка, которая нам, пятиклассникам, дала задание: написать сочинение о ветеранах войны. Которых, как я уже знала, в нашей семье нет: один дедушка умер до войны, второго на фронт не взяли, его, подозревавшегося в зажиточности, отправили на Урал в трудовую армию.

И о чём писать сочинение? Вернее, о ком? Отец (которому и сорока лет ещё не было) казался мне тогда пожилым, но всё же не настолько, чтобы связать его с войной.

Но выполнять задание надо, поэтому я и задала отцу вопрос: помнит ли он войну? То своё сочинение и рассказ отца я помню до сих пор.

Пожалуй, больше всего меня поразило, что в годы, как мне казалось, постоянного ужаса, скорби, непримиримой борьбы с «фашистскими захватчиками» люди его деревни… жили. Жили во всём многообразии смыслов этого слова. Уже сейчас я спросила его о том, о чём постеснялась раньше: «Тебе было страшно?». Он ответил: «Нет. Была мама, она нас берегла. Я не боялся, чувствовал её защиту».

И вот такой неожиданно спокойный тон его воспоминаний об обычности необычных событий — это запоминается. И созревает мысль о том, что любая экстремальная ситуация, длящаяся долго, становится обычной повседневностью. И рассказы очевидцев об этом непременно надо сохранять именно в их звучании. Или очень близко к тексту.

До войны

Я родился в 37-м году в деревне Ры´домля Толóчинского района на Витебщине. Деревня была больше ста дворов, по довоенным меркам считалась большой. Отец мой, КАТЮШИН Иван Яковлевич, был плотник. Делал он всё — и жернова, и сруб срубил, и печки делал, и землю пахал. Крестьянин ведь. Всё надо делать. Мне мать рассказывала. Умер он в 1941-м, когда мне было 4 года.

В семье было нас семь человек (сейчас осталось в живых четверо). В деревне много таких [многодетных] семей было, четверо или пятеро «матерей-героинь». Это, конечно, уже после войны дали моей матери орден 3 степени «Мать-героиня». Моя мать, Дарья Степановна, сеяла да жала, и нас растила. Началась война — младшей было полтора года. Старшая сестра, Ольга, была замужем, жила отдельно. Она, конечно, помогала маме. Старший брат Гаврила, с 24 года, сеял и пахал, убирал.

Жили в колхозе. Колхоз богатый был. Хотя особо богатство в чём — хлеб есть, картошка… А когда война началась, немцы земли давали много, бери сколько хочешь.

Я войну не помню. Только немцев помню. Я маленький был. Мать нас в лес таскала, прятала. Брат нас в лес таскал. Спасать нас надо было. Ну, я особо не вникал, я дома сидел да бегал по улице. Я был досужий, везде лез. За мной смотреть надо было.

Как жили под немцем

Немцев не трогали, они смирные были. Мы им платили, возили продукты, брали они всё: яйца отдай, картошку отдай, молоко отдай… У них склады были возле гарнизона в Волóсово [деревня]. Помню, как мы с матерью картошку возили на лошади. Приходила повестка, сколько мы должны сдать. Решал, наверное, бургомистр, сколько кому сдавать. Не будешь везти — заберут насильно, да и всё.

По рассказам матери, немцы у нас были в [Толочинском] районе на четвёртый или на пятый день. Они пешком, маршем прошли всю Белоруссию. У нас в школе расселился гарнизон. Они же лучшее здание забирали. А в деревне что церковь, что школа — лучшие. И пошли туда предатели… Шкуру свою спасали. Из нашей деревни был бургомистр, глава немецкого гарнизона. Своего брата назначил старостой, вокруг, по деревням, ездили, надо же дань собирать. Он потом в тюрьме отсидел.

В это время пошла партизанщина. Кто попал в окружение, русские, к немцам не пошли, пошли в леса, стали организовывать партизанские отряды. И наши деревенские пошли туда.

Как палили нас

Мать рассказывала. Партизан заело, что у нас стоит гарнизон. Партизаны решили уничтожить его со всеми прихвостнями. Убили старосту и школу подожгли. А братья старосты, оставшиеся немцы и полицаи убежали в Волосово, в соседнюю деревню, семь километров от нас. И там уже жили, в другом гарнизоне.

Немцы стали мстить партизанам. И однажды утром, время под завтрак, сестра Настя прибежала: немцы, говорит, с горы едут… Ехали они в обозе, на телегах (второй раз, когда палили, были на танках). Приехали. Мать с Настей вывела всех в яму на огороде, а брат в лес убежал. Парень ведь, забрали бы — или в Германию, или в полицаи… Скрывался по лесам.

Слышим в это время, пошла стрелянина по деревне, а кто в кого стреляет — не знаем. Мать с ямы высмотрела — деревня горит. Говорит мама Насте: «Пойдём вытаскивать из дому, а то горит всё». Пошли вытаскивать домашние вещи. В огород, подальше от огня. Немцы стреляют, а они вытаскивают. Немец целился в мать. Они пригнулись, пуля пролетела, а немец дальше по деревне пошёл. Вернулись в яму, а мать вспомнила, что там яичница стоит. Побежала в дом, принесла нам, мы едим. Что нам, ведь мы мал мала меньше… Стон, плач, крики. Говорили очевидцы, что повозку трупов немцы наложили. Партизаны стреляют, в лес отходят.

В этот раз сто человек погибло. Это много для деревни. Пожгли. Соседа, мальчишку, дед прикрыл, сам погиб, а он жив. В баню сгоняли, в погреба, в яму, и гранату бросали. Немец пришёл, подошёл к нам. Кто старшие — из ямы высовывались, им же любопытно. Он мимо прошёл. У нас собачка была, маленький щенок, и он залаял. Немец посмотрел. Это я уже помню. Мы сидим, притулились, видим только небо. Если высунемся, мать даст по макушке — сиди… А он шёл мимо, автомат держал перед собой. Посмотрел на нас. Сигнал дал какой-то, все немцы собрались, сели на телеги и уехали. А вот бросил бы гранату, и всё…

Когда вылезли из ямы, смотрим — вся деревня в дыму. Мать сразу пошла смотреть старшую дочь — жива ли. Все, кто вылез, кто живой остался, пошли искать родных, кто живой остался. Ольга жива.

Это немцы мстили за бургомистра. За то, что его партизаны убили. А отец их, бургомистра и его братьев, которые у немцев служили, был в армии. Три сына против отца. Он когда вернулся, говорит: не думал, что сыны против меня. Одного повесили, другого судили, один где-то под Сахалином.

И бабушка моя погибла. По маминым рассказам, она, когда дом подожгли, икону взяла и стала бегать вокруг дома. Хотела, видимо, дом спасти. Верующая была. А немец шёл мимо и косанул (дал очередь) из автомата.

Наш дом в этот раз не сгорел. Много сожгли. Больше трети домов.

Когда второй раз жгли. Ровно через неделю

Это я уже помню. Ночью разбудили. Сёстры плачут. Меня на лошадь верхом посадили. Привезли к стогу сена, залазьте, говорят, туда. Мы залезли, успокоились. Дети! Потом утром вышли — народу тьма, все рыдомцы здесь. В деревне никто не остался почти. Жили в лесу, жгли костры, ели. И тут одной женщине пришлось рожать. Прямо в лесу. Он и сейчас жив — Фрол Иванович, живёт в Минске.

Старшие мужики и парни залезали на деревья, смотрят на деревню — что там делается. Смотрят — взрывы. «Рама» немецкая летает над деревней, не знаю зачем — над лесом не

летает, боится, что партизаны подстрелят. Потом один мужик говорит моей матери: «Ваш дом горит. Чёрным дымом». А почему? Там на чердаке лён, пакля.

Во второй раз никого не убили — все убежали.

Мы живём в лесу, кушать хотим. Достали, у кого что было. Народу тьма, вся деревня. Смотрим, по лесу корова бегает, с неё уже молоко бежит, мы подоили.

Когда возвратились из леса — вся деревня сгорела дотла. Вся полностью. Кое-где остовы печек стоят, у кого уцелела, у кого нет. Наша уцелела.

Кое у кого было зерно, его сохраняли в ямах. Кое у кого оставались обугленные ручные жернова, мололи. Наши жернова уцелели (их отец мой делал), мать их вынесла в огород, когда жили в землянке, немцы их не сожгли — кому они нужны, стоят и стоят. Зерно мололи, хлеб или лепёшки пекли, чем уж меня мать кормила — не помню. Где жить? В первую очередь стали строить шалаши (из травы, веток), мы их называли будки. Летом-то можно жить. Но потом ведь зима. Стали строить землянки. Строили на огороде, на пепелище ведь строить не будешь. Брёвна валить, накат делать. И вся деревня ушла в землянки, вся! Страшно смотреть было.

Так и жили.

Как мой брат ходил в партизаны

Два материных двоюродных брата, КАЗАКОВ Пётр Григорьевич, работал учителем, и Иван (до войны работал в райкоме партии в Толочине, потом был председателем колхоза — он потом мне справку выдал на целину, паспорт не давали, только если вызов придёт учиться, — директором льнозавода…) были в партизанах, когда организовалась партизанщина. Пётр был разведчиком при штабе, а Иван работал в штабе.

Моему брату (он с 24 года) надо было матери помогать. А он поругался с ней, решил всё бросить: не буду, говорит, я пахать, уйду к дядькам в партизаны. Пришёл, его дядьки встретили и говорят: «Иди домой, кто будет матери помогать?». Пришёл он домой дня через три-четыре. Я помню, мать говорит: «Вон Гаврила с партизан идёт». Отругала его.

Лошадей партизаны нам давали, Петя приводил. Мы попашем, потом отдадим. Боялись очень: если немцы узнают, за связь с партизанами убьют.

Никто не знал, где они находятся. А может, и знали. Гаврила знал всё. Когда нас освободили, он пошёл в армию через мобилизацию. Дошёл до Восточной Пруссии. Его даже не ранили. Был наводчиком орудия (корректировщик огня). Пришёл в 47-м. Пошёл учиться в Оршанскую школу паровозных машинистов им. ЗАСЛОНОВА. Сначала кочегарил, потом машинистом. Всю жизнь проработал на железной дороге до пенсии.

Как Гаврилу забрали в блокаду (лето 43-го)

Немцы шли цепью (20-30 метров, с собаками) на деревню, делали блокаду на партизан. Я помню. Мужики играли в карты в землянке, мать прибегает: «Разбегайтесь кто куда» — стрелянина идёт. А взрослые знали, что блокада идёт. Как-то взрослые узнавали. Забирали всех — баб, девок, парней…

Вот заходят в деревню. К нам в дом зашёл один. Гаврила схоронился на печке. Ольга взяла Оксану на руки. Настя села под образа, иконы, там темно, её не заметили. Подходит к Ольге. Ольгу хотел взять, а Ольга: «Вот, пан, ребёнок болеет». Нет, машет немец руками, нам таких не надо. А Гаврилу заметил. «Ком, ком» — слезай. Согнали их всех на перекрёсток. Мать узнала, собирает ему торбу, хлеб положила.

Их строем повели на станцию Бурбино, пешком, где железнодорожная ветка от Орши. Хотели их там погрузить, и в Германию. А у Гаврилы единственная мысль — бежать, знал, что отправляют в неметчину. Он решил бежать.

Когда их строем гнали, стемнело. Он осмотрелся, нет конвоира спереди, сзади отстали. Шли через лес, он упал в канаву, в обочину. Притаился. Ни звука. Строй прошёл мимо него. Поднимается, а темно! Шёл через лес, напрямик. До Рыдомля не дошёл, сбился в лесу. Опять попадает в блокаду, под немцев. Они ж блокаду делают, партизан выискивают. Идут сплошным строем. И Гаврила попал в блокаду (это километрах в 15-20 от Рыдомля). Он вдоль канавы идёт и слышит: собаки лают и гергечут по-немецки. Идут они вдоль канавы. Немцы в канаву не полезут. Он быстро в канаву. Она небольшая. Он колени подогнул, кочку на голову надел, стебель сломил, дышит через него. Долго сидел. В воде не слышал, прошли немцы или нет. Вылез он из канавы, весь в торфе, обмылся.

И встретил друга в лесу. А кто он такой этот друг — попробуй пойми, время такое. Страшно, кто это — то ли партизан, то ли шпион, то ли немец, то ли кто. Ну, они познакомились, добрались вместе до Ша́шаловки. А там уже пять километров до Рыдомля.

Я помню, как он пришёл домой. Такой изнурённый сидит, без шапки. А мать как обычно: «А сыночек мой, а сыночек… Как же ты так…». Вот он так рассказывал, как избежал этого плена. С нашей деревни никто больше не сбежал.

Потом, правда, после войны, все вернулись в деревню. Даже один ребёнок, сосед наш, малолетка, с 36 года, он и не подлежал, но забрали, угнали. Он выжил, попал к хозяину. Жил неплохо. Но ведь мог попасть в концлагерь. Кто на заводе работал, кто на ферме. Неплохо питались. Сразу было голодно, потом немцы кормили нормально в плену. Ну а потом их освободили, конечно.

Как нас освободили в 44-м

Спали мы. Утром рано разбудила мать. И говорит: «Детки, вставайте, красные пришли». Мы уже чувствовали, что освободят. Под Оршей их орудия грохали. Мы выбежали все на улицу. Сразу строем шли солдаты, потом танки пошли. Шли они суток полтора. Денно и нощно шли. Наверно, фронт через деревню проходил. Такие канавы оставили. Потом несколько лет не зарастали.

И танкисты нам бросали хлеб, галеты. Мы ловим. Шли не останавливались. Шли строем. Промежутки были, конечно, 10-20 минут. Спрыгнул один танкист и даёт соседке буханку хлеба. Мы много тогда хлеба натаскали. Они старались детям давать.

Война кончилась, стали отстраивать деревню, прислали бригаду из Толочина и Орши. В первую очередь строили тому, у кого были погибшие на фронте. Мы отстроились поздно. В 1948-м. До этого жили в землянке. Я с землянки в школу пошёл.

***

Это лишь небольшая часть военных рассказов моего отца. Да можно ли их назвать «военными»? Это немного иная тема, чем «человек на войне». Тем не менее для меня именно эти рассказы — свидетельство подлинной истории.

Но вот что интересно: теперь уже моим детям учитель русского языка задаёт тему сочинения «Ветераны моей семьи». Что напишет мой сын? Ведь он знает войну уже по нашим, своих родителей, рассказам… А ещё по фильмам, книгам и компьютерным играм.

Сперанский Матвей,
3 «В» класс

Ветераны моей семьи

В нашей семье нет живых ветеранов. Мои дедушки не воевали, потому что были маленькие. Но мои прадеды, о которых мне рассказала мама, могли воевать в Великой Отечественной войне. О них я и расскажу.

Прадедушка со стороны папы — СПЕРАНСКИЙ Фёдор Иванович — родился в 1898-м году. Когда началась война, ему было 43 года. Он был юристом и работал прокурором Тверской области. Но перед войной он стал директором фабрики, и поэтому всю войну он провёл в тылу, отвечая за фабрику. Имел ли прадедушка Фёдор Иванович награды за свой мужественный и нелёгкий труд, я не знаю. Он умер в 1974-м году, и мой папа не успел узнать о нём больше.

Прадедушка со стороны мамы — ПАРОХОНЬКО Игнат Петрович — тоже не воевал. Он работал в трудовой армии («трудармии») на Урале. Почему он там работал? Он родился и жил в Белоруссии, его семья жила очень хорошо, даже богато. Но в Красную армию его не взяли, потому что считали его старым.

Алевтина СПЕРАНСКАЯ

Музыкант всеобъемлющий

Не мной подмечено, что люди, успешные в науке и искусстве, живут активной полноценной жизнью гораздо дольше, чем мы, простые смертные. Майя ПЛИСЕЦКАЯ свои 50-ти и 60-ти и даже 75-летний юбилеи отмечала премьерами балетных спектаклей. Николай АМОСОВ делал операции на сердце до 75 лет. Примеров сколько угодно…

О возрасте женщин не принято говорить… Недавно я познакомилась с удивительно обаятельной, приветливой, оптимистичной женщиной без возраста. Если бы даже меня не подвели к ней, чтобы представить, я бы, пожалуй, угадала её в толпе. Во-первых, элегантная шляпка, во-вторых — обворожительная улыбка, в-третьих, — умение завоевать симпатию и расположение собеседника с первых же слов… В общем, этот человек очарует кого угодно.

Татьяна Алексеевна ЧУДОВА — заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов РФ, профессор МГК им. П.И. Чайковского, одна из наиболее известных композиторов, педагогов и музыкально-общественных деятелей России. В Красноярск она приезжала всего на несколько дней, чтобы посмотреть талантливых студентов музыкальных учебных заведений и провести мастер-классы для педагогов и ребят из музыкальных школ. Кроме того, Татьяна Алексеевна возглавляла жюри конкурса юных композиторов, который проходил в стенах Красноярской академии музыки и театра. Мне посчастливилось попасть на мастер-класс Чудовой для детей от 8 до 10 лет. Татьяна Алексеевна абсолютно лишена столичного снобизма и не мыслит своей жизни без работы с детьми.

«Это два голоса, два героя, — объясняет Чудова, нажимая на клавиши. — Они очень интересные люди! Они друг другу что-то рассказывают, но при этом очень воспитанны, потому что не перебивают друг друга, а очень интеллигентно беседуют. Сначала один молчит и внимательно слушает другого, потом первый молчит и слушает, что ему отвечает второй. Вот так: и-и-и… Поиграй, пожалуйста, сядь поближе…

А теперь задание посложнее. Представим, что у нас тут стоит зеркало. И один человек говорит, а другой — его отражение… Возьми две-три ноты и сыграй…».

Татьяна Алексеевна продолжает свой мастер-класс, а я смотрю на неё и думаю: вот бы у всех педагогов такая искорка вдохновения светилась в глазах! Вот бы им такую фантазию и подход к детям…

Ребятишки понимали Чудову с полуслова. Упражнения, развивающие слух, ритм, интонацию и гармонию, она преподносила по собственной методике — в виде игры, музыкальных сказок и прибауток.

— Татьяна Алексеевна, вы впервые в Красноярске, с кем или с чем ассоциируется у вас город на Енисее?

— Я очень дружна с Олегом Ивановичем МЕРЕМКУЛОВЫМ, так как мы оба члены Союза композиторов и часто встречаемся на разных пленумах, съездах, знаем друг друга уже лет 30. Здесь я встретила очень много знакомых и даже свою ученицу Оксану ТЮЛЮШ, которая преподаёт композицию в ДШИ им. Нади РУШЕВОЙ в Кызыле. Оксана окончила Московскую консерваторию и очень талантлива.

— Вы музыкант в четвёртом поколении — кто ваши предки?

— Я бы добавила, что мои дети — тоже музыканты, а это уже пятое поколение, внуки — шестое. Мой отец и дед закончили Московскую государственную консерваторию. Дед учился у профессора ГРЖИМАЛИ, а отец у Георгия ДУЛОВА — известного скрипача и профессора консерватории, отца известной артистки Веры ДУЛОВОЙ. Моя прабабушка была певицей, работала в ресторане «У Яра». Она имела голос редчайшей красоты — контральто, выходила к слушателю в красивых шалях с двумя гитаристами, пела русские народные песни и старинные романсы.

ПРО КОНКУРС

С 27 по 31 марта в Красноярской государственной академии музыки и театра прошёл конкурс под названием Symphoniacus integer-2012 («Музыкант всеобъемлющий»). Он включал в себя два этапа: IV открытый Сибирский конкурс студентов средних специальных учебных заведений по музыкально-теоретическим предметам и IV открытый Сибирский конкурс юных композиторов.

Творческое состязание шло по трём номинациям: «Музыкально-слуховой практикум», «Музыкально-интеллектуальный практикум» и «Творческий практикум» (в последней номинации жюри возглавляла Татьяна Алексеевна ЧУДОВА).

Кстати, красноярцы получили в прошедшем конкурсе целый ряд премий. У Тимура ШАХОВА (ДМШ № 1) — первая премия в номинации «Творческий практикум» и вторая — в номинации «Музыкально-слуховой практикум». У учащихся Красноярского колледжа искусств им.П.И.Иванова-Радкевича все призовые места в номинации «Музыкально-интеллектуальный практикум»: 1 премия — у Ирины МОСКВИНИНОЙ, 2 — у Ксении МИГМАРОВОЙ, 3 — у Влада ОЗЕРОВА (преподаватель по гармонии — Нина Владимировна КУДРЯШОВА).

— Как вы стали композитором?

— Отец мой, помимо того, что профессионально владел искусством игры на скрипке и трубе, ещё и музыку сочинял для театров, цирка, эстрады. Папа родился в 1888 году, а я у него родилась, когда ему было 58 лет. Мама у меня была домристкой и руководила оркестром русских народных инструментов. Я у неё в коллективе на всех домрах переиграла. Как заболеет домрист — она ко мне: «Таня, сядь, поиграй!». В нашей семье музыка звучала всегда. Моё первое самостоятельное сочинение, записанное на листочке, отец сохранил как реликвию. Мне тогда было 3 года и 10 месяцев, я написала польку «Тата, тата, таточка». В четыре с половиной года меня взяли в Центральную музыкальную школу, и я уже играла прилично. В пятилетнем возрасте давала концерт в малом зале консерватории (у меня сохранилась его афиша).

Вспоминаю то время и думаю, что рановато всё-таки меня начали учить — я рояль воспринимала не как инструмент, за которым сидят, а «под которым сидят» — как бы домик. Я не была готова к систематическому постоянному труду, но выручали талант и абсолютный музыкальный слух. Кстати, чем раньше начнёшь играть на рояле, тем легче руки приспосабливаются и растут вместе с профессией.

— С какого возраста детей лучше приобщать к музыкальному инструменту?

— Примерно лет с пяти или даже чуть раньше. Многие себе не представляют, на что способны маленькие дети. Прежде всего, у них очень липкая, цепкая память, они всё схватывают на лету, не надо ничего вдалбливать, а во-вторых, по фантазии они гуттаперчевые. Фантазия в детстве пластичная, что для творческой профессии очень важно (в более зрелом возрасте это, к сожалению, уходит).

— Вы автор четырёх балетов, шести симфоний, нескольких хоровых произведений, обработок народных песен, песен для детей — всего не перечесть… А что вам ближе или нравится особо?

— Я люблю писать произведения по поводу… Например, моя Четвёртая симфония написана под впечатлением теракта 9/11 в США, когда самолёты влетели в башни. Но в ней и все стихийные бедствия — землетрясения, цунами, гибель людей в каких-то катастрофах. Я как антенна, которая чётко чувствует, что происходит вокруг, впитываю в себя всё, а потом выдаю это в звуках.

В молодости написала симфоническую трилогию «Советской молодёжи посвящается»: «Тимур и его команда», «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия» (1981–1984). За эту трилогию я получила премию Ленинского комсомола в 1984 году и очень горжусь званием лауреата: по тем временам — очень большая награда. Хотя, может быть, сейчас герои моих симфоний уже никому не интересны…

— Почему вы так думаете?

— Сменился строй, трансформировались идеалы… Я очень любила образ Тимура в детстве и люблю до сих пор, потому что мы выросли на литературе, прославляющей такие качества, как благородство, самоотверженность, патриотизм, героизм. Во взрослом состоянии детские впечатления и эмоции вылились в симфонии. Профессиональную свою задачу я выполнила: трилогия знакомит детей с оркестром, с его звуками, с инструментами. Важно приучить ребят к звуковой культуре, чтобы они потом приходили в концертные залы.

> Я уверена, что человек, который в детстве связан с искусством, уже не пойдёт ни воровать, ни убивать.

— Есть ли у композиторов произведения, в которых он может задействовать максимум возможностей, показать высший пилотаж?

— У меня в творческом портфеле и небольшие хоровые произведения (от трёх до 10 минут), и кантаты, и оратории, где задействованы и хор, и оркестр, и даже солисты. Написаны крупные формы, связанные с хором, и отдельные сюиты, и хоровой концерт. Почему так интересен хор? Дело в том, что это созвучие многих голосов, их можно дать в разнозвучии: один начинает, другой продолжает, третий вступает, а в полифонии настолько много композиторских возможностей! Добавьте к этому эмоции, потому что голос человеческий необычайно отзывчивый инструмент. Он может быть невероятно эмоциональным — какие-то наплывы, глиссандо, диминуэндо, крещендо *(напевает)*. Я очень люблю хор и постоянно продолжаю для него писать. Бывает даже смешанный хор без слов и без нот. Вы не представляете, как это прекрасно звучит!

— Над чем работаете в последнее время?

— У меня настолько большие планы, что жизни не хватит… Так как я профессор консерватории, и у меня в классе занимаются 15 человек молодых композиторов, иногда приходится свои собственные темы им дарить. Допустим, считаю, что вот этот сюжет должен быть в музыке, но физически не успеваю ничего написать — и отдаю.

Недавно, правда, закончила собственное сочинение для русского народного оркестра, которое называется так: «Дразнилки, ругалки и примирилки». Сочинение гротесковое по характеру, с наигрышными моментами, лёгкое и юмористическое, однако оно совсем не связано с фольклором (там нет ни «Вдоль да по речке», ни «Светит месяц», ни «Коробейники») — там настоящая серьёзная, академическая музыка, но написанная для народного оркестра. Свежий взгляд на этот оркестр.

— Вы возглавляли жюри Четвертого открытого Сибирского конкурса юных композиторов. Подрастает достойная смена?

— Тут были задания и по сольфеджио, и по теории, и по написанию статьи о музыке. Оценивалось композиторское творчество и импровизация. Это подход, который позволяет проверить способности человека с разных сторон. Потому конкурс и переводится с латыни, как «Музыкант всеобъемлющий». В человеке всё должно быть прекрасно: и сольфеджио, и теория, и импровизация.

Так было издавна. Иоганн Себастьян БАХ выступал в разных ипостасях: органиста, композитора, дирижёра, переписчика своих собственных нот, хормейстера. В его личности сфокусирован полный набор профессий вокруг музыки. Потом всё разделилось: отдельно хормейстеры, дирижёры, композиторы…

Красноярский конкурс уникален в своём роде (по крайней мере, я подобных не встречала). Это попытка вернуть нас всех к истокам. Мы имели возможность увидеть и оценить облик современного музыканта, композитора и теоретика. И результаты очень интересные. Мы просмотрели много работ — есть среди них замечательные. У некоторых детей абсолютный слух.

Жюри проявило щедрость: мы позволили себе делить первые и вторые места на несколько человек, потому что всех хотелось отметить.

— Если говорить о мировых школах, на кого стоит ориентироваться, у кого самая сильная подготовка по композиции?

— Пожалуй, что у нас, в России. Я только что приехала из Парижа. У них нет ни детской, ни подростковой композиции. Когда я показала свои видеозаписи с концертов, где мои воспитанники (от пяти до 12 лет) играют свои сочинения, — они просто, образно говоря, попадали в обморок. Дескать, неужели дети могут так сочинять?

Но у нас в стране, вдали от столицы, другая беда — мало информации. Новинки музыкальные (что, допустим, написал ЩЕДРИН или ПЕНДЕРЕЦКИЙ) доходят с опозданием. Увы, звёздные исполнители и композиторы (наши и зарубежные) приезжают играть свои концерты в Москву, Санкт-Петербург, а не в Красноярск. Поэтому не хватает интересной нотной литературы. Я привезла с собой кое-что, но это ведь не решение проблемы.

Другой волнующий меня вопрос, который надо решать на государственном уровне, — почему в таком престижном учебном заведении, как Красноярская государственная академия музыки и театра, нет класса арфы? Это необходимый для оркестра и для соло инструмент, такой же, как скрипка, виолончель и любые другие… Надо открывать!

— Татьяна Алексеевна, умеют ли юные композиторы импровизировать?

— А вот это как раз слабое место. Умеют немногие. Если бы перед конкурсантами стояла задача импровизировать на свободную тему, то, скорее всего, многие из них прекрасно бы с этим справились, но так как им были даны кусочки музыкального материала, от которого они должны были оттолкнуться и в этом же стиле идти дальше, – увы, многие не справились. Они сразу забывали то, что играли в начале, и дальше шло своё, а надо было ухватить стиль и в том же духе продолжать, но уже на более высоком витке творчества.

— И этот пробел прослеживается во всех возрастных группах?

— В общем-то, да. Может быть, в условиях конкурса неконкретно было прописано задание? Особенно нелегко пришлось малышам: первая премия не присуждена никому.

Мне кажется, надо пожелать педагогам побольше с детьми импровизировать, подбрасывать им образные темы: «весна», «рассвет». Или дать какую-то музыкальную мелодию, чтобы они не только сыграли её, но и подобрали к ней аккомпанемент, гармонию и развили дальше. А композиция очень хорошая, и почти у всех — пьесы с названиями. Мне из всех конкурсных заданий запомнилась пьеса «Утонувшая невеста» — вот где катастрофа, трагедия, и это настроение автор действительно передал в музыке. Так что с образным мышлением у ребят всё в порядке!

— Чего бы вы ещё пожелали участникам конкурса и их педагогам?

— Меня удивило, что почти совсем не было произведений, созданных в жанре «вариации», никто из ребят не написал сонатину (сонаты у старших были), рондо, токкату… Но зато море пьес, как будто на них свет клином сошёлся.

Есть и много приятного. Не могу не выразить своё восхищение красноярскими педагогами-композиторами. В ходе конкурса они дали концерт современной академической музыки и показали класс! Это Владимир ПОНОМАРЁВ, Игорь ЮДИН, Владимир СЕНЕГИН. Представлены были очень достойные сочинения — вокальные, инструментальные, фортепианные. Они звучали свежо и очень современно: где-то изысканно, тонко, а где-то драматично, громко, трагично. Весь набор современных художественных средств авторы использовали. Я получила огромное удовольствие!

— Что вы посоветуете тем родителям, у кого дети ходят в музыкальную школу? Например, сидит ребёнок за пианино и что-то там брякает. Стоит ли его прерывать, мол, не валяй дурака, а играй, что задали?

— Я хочу призвать пап и мам: наблюдайте своих детей. Если заметили, что человек тянется к звуку, к инструменту, сам за него садится, нажимает клавиши и видно, что ему приятно послушать, — это значит, что ребёнок одарённый и его надо вести в музыкальную школу. Приведя в школу, надо иметь терпение довести образование до конца. Быть терпеливым, мудрым и помочь маленькому человеку найти, возможно, будущую профессию.

Вера КИРИЧЕНКО
Фото Сергея ТОКАРЕВА

Нет времени? Не может быть!

В любое время года этого человека можно встретить на острове Татышев. Он бежит либо мчится на велосипеде, по ходу делая замечания нерадивым отдыхающим, беспечно гуляющим по встречной. Владимиру МУСИЕНКО — 53, он спортивный чиновник и спортивный человек. За его плечами преодоление сверхдлинных дистанций, восхождение на шеститысячник и участие в международных соревнованиях «Кэмэл трофи».

— Владимир Иванович, вы с детства столь активны в спорте?

— Нет, это пришло с годами. В школе я был довольно зажатым ребёнком. Лидером не был, не был спортивным. Но так как был отличником — в моем аттестате всего четыре «четвёрки» — то и по «физкультуре» была «пятёрка». Уроки всегда посещал, потому что был обязательным. Учился в школе № 13, это окраина города, посёлок Гидролизный, близ Причала.

А в спорт меня привёл случай. Это было уже в институте, во втузе. Нас повезли на военные сборы. Там приходилось не только бегать по три километра в сапогах (я плёлся в хвосте и мучился), но и выполнять разные гимнастические упражнения. Нам сказали: «Не можете выполнить подъём переворотом? Так какие из вас офицеры запаса?».

Какой там «подъём переворотом»! Я подтягивался всего раз восемь. С трудом, рывками… И вот вернулся я со сборов и прикинул — если я в 21 год такой хилый, что же будет дальше? Потом мне попалось несколько интересных книг.

Первая — о знаменитом легкоатлете Викторе АЛЕКСЕЕВЕ. Он рос чахлым ребёнком, и както один из цирковых артистов сказал ему, что для того, чтобы стать сильным, нужно подтягиваться двести раз в день. Двести! И он начал. Потом таким же образом он накачал себе ноги и стал выпрыгивать из «пистолетика» по двести раз в день. В итоге он занялся спортом, был многократным чемпионом СССР, в Санкт-Петербурге существует спортшкола его имени. Человек сделал себя сам.

Вторая книга — «Анатомия силы», в ней были рекомендации о том, как изменить своё тело.

Дома в кухонном проёме я сделал турник и начал подтягиваться. Сначала дошёл до тридцати раз. Потом пошёл тот самый подъём переворотом… Полистав классификацию видов спорта, я нашёл зимний полиатлон — вид, в котором есть подтягивания, а кроме них — лыжные гонки и стрельба.

Начал заниматься и взял за правило, чтобы у меня было три тренировки в неделю продолжительностью час. Несмотря на то, что учёба во втузе предполагала и занятия, и работу, время удавалось находить. Для меня это был закон. Я сделал штангу — на «Красмаше» с соседом сварили диски, гриф…

В итоге благодаря своей системе я в 1995 году установил рекорд края по подтягиваниям на перекладине. Там уже было всё жёстко — никаких рывков, чёткая фиксация рук и так далее. Мой рекорд — 54 раза — держался два года. Потом его побил железногорец Николай ГАВРИЛОВ. Мы стали выезжать на соревнования, я начал параллельно бегать, подтягивать лыжи. После окончания института смог заняться спортом ещё более активно. В итоге в 35 лет выполнил норматив мастера спорта по полиатлону. Чем очень горд до сих пор.

Сейчас количество тренировочных часов в неделю у меня равно пяти, а в период подготовки к «Айронмену» (*дисциплина триатлона; для получения титула «Айронмен» нужно проплыть 3,8 км, проехать 180 км на велосипеде и пробежать марафон, — прим. ред.*) доходит до 16-17 часов.

— Полиатлон возник из-за хороших результатов в подтягивании, а как в вашей жизни появился триатлон?

— Когда я работал председателем спортклуба «Енисей» при заводе «Красмаш», я очень внимательно отслеживал публикации в «Советском спорте», в журнале «Физкультура и спорт». Не могла не броситься в глаза новая спортивная дисциплина — комбинация плавания, велосипеда и бега, придуманная американцами. И мы решили провести триатлон у себя, в каком-то смысле пооригинальничать.

Тогда мы знали только, что он включает три вида, но не имели понятия об их последовательности. И в первый триатлон, который состоялся 14 мая 1988 года, мы всё напутали — сначала плыли, потом бежали, а после ехали на велосипеде. Исторический факт! Позже оказалось, что в Сибири мы были первыми, опередив на два месяца Новосибирск. В 1991 году я принял участие в чемпионате СССР по триатлону в Даугавпилсе. Тогда наша команда была далеко от призёров.

С тех пор триатлон меня очень увлёк и не отпускает. Он уникален тем (я другого такого примера не знаю), что на всех соревнованиях, исключая Олимпийские игры, участники всех возрастных категорий выступают вместе. Стартовала элита, а через несколько часов, либо на следующий день, или днём ранее — но всегда в рамках одних соревнований — спортсмены категории «мастерс». Другими словами, все те, кого у нас в России называют ветеранами. Все триатлонисты болеют друг за друга, общаются. Такого нет в других видах спорта. К примеру, чемпионат мира по лёгкой атлетике проходит отдельно среди элитных спортсменов и отдельно — среди ветеранов. Также в других видах. А в триатлоне очень сильна интеграция, спортсмены разных уровней не изолированы.

— Есть ведь ещё и зимний триатлон, который, возможно, будет включён в программу Всемирной Универсиады-2019, если Красноярск завоюет право её проведения.

— Старты такого уровня — это продвижение всего региона, приобщение жителей к спорту. В Красноярске сейчас живёт двукратный чемпион мира по зимнему триатлону Павел АНДРЕЕВ. Мы обязательно будем работать над тем, чтобы этот вид был включён в программу Универсиады.

— Спорт и возраст — какую зависимость вы можете проследить? Кто чаще занимается спортом в зрелом возрасте — те, кого и в детстве со спортплощадок было не вытащить?

— Людей, которые занимаются спортом в зрелом и преклонном возрасте, я бы разделил на две категории. Первая — те, кто занимался спортом в молодости. Их число среди активных физкультурников мало. К сожалению, бывшие спортсмены, в основном, — это люди, забывшие про регулярные физические нагрузки и имеющие большие животы. Это обусловлено разными причинами. Как правило — «наетостью» большим спортом в молодые годы либо травмами, полученными в тот период.

Вот, к примеру, мой друг Игорь БОНДАРЕНКО — знаменитый красноярец, игрок золотого хоккейного «Енисея», входил в состав сборной страны. Сейчас он — бизнесмен и президент краевой федерации хоккея с мячом. Он играет в футбол, мы даже поговаривали с ним о том, чтобы выступить в триатлоне, но — здоровье не позволяет. За годы своей игровой карьеры он выжал из себя максимум.

Разговаривал с Павлом РОСТОВЦЕВЫМ после завершения его карьеры. Спрашиваю — ну почему бы не пробежать «двадцатьпятку»? Не интересно, говорит, набегался. Это можно понять — зачем вставать на лыжи на краевых соревнованиях, если позади серебро Олимпиады?

Но есть и исключения. Например, Валентин Петрович КИРЕЕВ. Ему 82 года, в молодости он был марафонцем, потом всю жизнь занимался спортом, в 70 стартовал в триатлоне, сейчас выступает в полиатлоне.

Вторая категория — те, кто начал заниматься спортом в зрелом возрасте. Их среди нас большинство, процентов девяносто. Это люди, которые когда-то «прозрели» и взялись за себя. Часто такое прозрение связано с ухудшением здоровья. Мне приходилось много раз убеждаться, что начинать никогда не поздно. В 1993 году я бежал марафон в Словакии и жил в комнате с одним белорусом. Он рассказывал, что в 54 года жизнь для него кончилась. Болело сердце, не мог подняться на третий этаж без одышки и болей, думал: всё — пару лет, и конец. Не находил выхода. А потом пришла в голову идея начать бегать. Когда он в первый раз вышел на тренировку, то положил в карман записку с адресом, куда в случае чего доставить труп. Он выдержал эти несколько километров и потихоньку начал бегать. К тому моменту, как я его повстречал в Словакии, на его счету было с десяток марафонов. Он забыл, где находится сердце.

Конечно, нужно всё делать в меру. Где-то притормаживать, проходить обследования. В своё время мне было очень жаль расставаться с полиатлоном, но мне пришлось это сделать. Я перетренировался — форсировал подготовку к чемпионату города по подтягиваниям на перекладине. Тогда проводился такой чемпионат. Подтягивался за час триста, четыреста раз и загнал себя. Увезли на скорой прямо из тренажёрного зала. После этого я стал побаиваться подтягиваться, хотя к тому времени результаты были на уровне всероссийских.

Кстати, для людей в возрасте нагрузки в циклических видах спорта, то есть в тех, где идёт равномерная нагрузка (это плавание, бег, лыжи, велосипед), — более полезны, чем, к примеру, занятия футболом. Футболист не пробегает того расстояния, которое пробегаем за тренировку мы, но вот эти рывки, ускорения могут отразиться на том же сердце негативно.

— В каком возрасте вам было наиболее комфортно?

— Ну, молодые годы, конечно, хочется вернуть. Кто скажет иначе? Точнее — остановиться бы на тридцати годах, вот это оптимально. Но сегодня я получаю не меньше удовольствия от спорта, чем в молодые годы. Улучшилась экипировка, в стране стали к спорту получше относиться.

Спорт даёт возможность посмотреть мир — мы планируем свой отпуск под соревнования, едем компанией, стартуем, а потом отдыхаем. Знаете, мне приходилось встречать стариков в тридцать лет — до того им всё неинтересно. И потрясающе активных, живых людей в семьдесят и старше. Вот ещё, кстати, один пример — Геннадий РОЖКОВ. 21 декабря прошлого года ему исполнилось семьдесят, но я при общении с ним не чувствую разницы в возрасте. Совсем недавно в Минусинском районе прошла спартакиада работников финансовых органов Красноярского края — он был представителем команды Дивногорска, прекрасно общался с молодыми финансистами. Ему всегда есть, что сказать. В этом году он выиграл по своему возрасту чемпионат мира по зимнему триатлону. Ну и ещё немаловажный фактор: такие «старички», как я погляжу, продолжают быть активными как мужчины. Кого из нас это не замотивирует на занятия спортом?

Другой момент — все мы периодически бываем на встречах одноклассников. Я не скрою, у меня возникает такое чувство, что многие из моих одноклассников закончили школу лет на десять раньше — так они выглядят.

И я не понимаю людей, которые ссылаются на занятость, на то, что невозможно найти время. Это вопрос твоего личного желания и только. Другие ссылаются на дороговизну спортсооружений, но это всё чепуха.

Достаточно купить кроссовки и начать бегать вокруг своего дома или в близлежащем квартале, на острове Татышев…

Многие просто боятся сделать первый шаг. Человек считает, что если спорт не пришёл к нему до 15 лет — всё, он ничего не сможет. Это заблуждение. Я знаю ветеранов, которые в юности ничего особенного из себя не представляли в плане спорта. В Ленинском районе есть Григорий Павлович УДОВИЧЕВ. В ветеранском возрасте он выступал на международных соревнованиях по лёгкой атлетике, занимал призовые места. Когда я посмотрел его биографию, то увидел, что он даже не кандидат в мастера.

Конечно, ветеранское движение в нашей стране пока не так активно поддерживается, как хотелось бы. В федеральном законе о спорте о ветеранах нет ни строчки. Раньше ветеранов поддерживали заводские коллективы физкультуры. После распада Союза государство подхватило за профсоюзами детский спорт, команды мастеров у нас в шоколаде. А ветеранов никто не подхватил. Но всё равно находятся спонсоры, они отправляют на соревнования тех, кто не может сам оплатить поездку. Мы в «Красспорте» стараемся помогать, командировать. Ведь понятно, что наши пенсионеры на свою пенсию могут выехать только в соседнюю деревню. За границей уровень жизни другой, там ветеранские соревнования собирают по две-три тысячи человек.

— Удалось ли передать любовь к спорту вашим детям?

— Не совсем. Здесь ведь нужно не только направлять, но и создавать условия. Я очень хотел, чтобы старший сын занимался акробатикой. Но мы жили в Черёмушках, машины не было. Кстати, в этом районе до сих пор нет ни одного спортивного сооружения. На улице Говорова должен наконец скоро появиться спорткомплекс. Так вот, у меня есть определённая доля вины перед старшим.

С младшим было проще — появилась машина, возил его на тренировки. Предоставил свободу выбора. Начали с хоккея с мячом. Оказалось — есть физические данные, покатился на коньках сразу. Но нет игрового мышления. Бывает. Потом выступал в триатлоне, подавал надежды. Потом ушёл в подводное плавание. Я хотел, чтобы он дошёл до мастера спорта, но немного не хватило. Но спорт дал ему многое. Смотрю на компанию сына — это всё бывшие спортсмены, отличные ребята. Лучший друг — бывший велогонщик. Никогда не было проблем с курением, не было такого, чтобы сын пропадал и вернулся пьяный. Катается на горных лыжах, ходит в тренажёрный зал. Но такого, как у меня, интереса к соревнованиям у него всё же нет.

— Что вам приносит большее удовольствие — тренировки или соревнования?

— Вот, кстати! Людей, занимающихся спортом в зрелом возрасте, можно разделить и на две другие категории — в зависимости от того, за счёт чего они получают удовольствие. Одним хватает самого факта занятий, после которых и чувствуешь себя хорошо, и покрутился возле зеркала, и мускулами поиграл — красавец! Другим — я точно в их числе — нужны соревнования. Гонки, гонки, гонки — вот это мой драйв. В 2011 году у меня был 41 старт, это практически каждые выходные! Причём часто выходишь на линию старта, думаешь: «Опять мучиться, да зачем мне всё это надо!». Но после финиша это уходит, остаётся только огромное чувство удовлетворения.

Мне нужно, чтобы была цель. В 2002 году я нарисовал её себе — «Айронмен». Через год я прошёл эту дистанцию в первый раз. После этого наступило опустошение. Но я всегда нахожу новую мотивацию и тренируюсь дальше. И что интересно — мне сейчас 53 года, и пока результаты год от года не ухудшаются. Наоборот, появляются новые дистанции, новые впечатления.

Моя мама говорила мне, что чем у человека больше интересов, тем интересней жить, он реже впадает в депрессию. И это правда. Спорт даёт чувство уверенности в себе, хорошее самочувствие, определённый круг друзей, совершенно особый образ жизни. Таких отношений не получишь ни в учёбе, ни на работе. Те, кто занимается спортом, живут интереснее, насыщеннее.

Галина ШИПОВАЛОВА
Фото Дмитрия СТРИГА

ДОСЬЕ

Мусиенко Владимир Иванович. Родился 22 января 1959 г. в Красноярске. В 1982 г. окончил филиал Красноярского политехнического института по специальности инженер-механик (двигатели летательных аппаратов), в 1991 г. — Красноярский техникум физической культуры (КТФК).

С 1982 по 1987 г. — завод «Красмаш».

С 1987 по 1995 г. — председатель спортклуба «Енисей» (завод «Красмаш»).

С 1995 по 2005 г. — директор комплексной СДЮСШОР.

Мастер спорта по полиатлону (1995), победитель национального отбора, участник международных соревнований «Кэмэл трофи» (2000), победитель первенства России по дуатлону (2010), участник восхождения на г. Аконкагуа (6960 м, Аргентина, 1993), девятикратный обладатель титула «Айронмен» («Железный человек»).

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
интеллектуальный диалог
апрель 2012 г.

Босиком по главной улице

Рай на Земле — это когда без сандаликов по булыжной мостовой пустого проспекта в центре города, лошади фыркают в соседнем дворе, солнце, тёплый Енисей и тебе десять лет.

Когда я собиралась писать этот материал, то думала изложить жизненную историю одного из самых любимых мною людей. А рассказ получился, в основном, о детстве: военно-послевоенном, голодном. И бешено счастливом. Эпоха вмешивается в это лучшее время человеческой жизни — но она ничего не может поделать со счастьем, которое внутри детства чувствует себя как дома и лишь десятилетия спустя начинает то и дело убегать в неизвестном направлении.

Рассказывает Нелли Николаевна ЯДЫКИНА, красноярка, 1937 года рождения.

— Я сибирячка, настоящая. Мама родилась в Иркутске — она была единственной дочкой в семье, где росло семеро детей. Мой дед Иван один их воспитывал. Там своя семейная трагедия. Когда деда в тюрьму посадили, бабушка пошла узнавать, что да как. А ей по ошибке сказали: приговорён к расстрелу. Вышла она на улицу — и в обморок от такого известия, пролежала неизвестно сколько на холодной земле, простудилась и умерла. А деда потом выпустили, жил вдовцом. Потом, правда, снова женился.

А папа мой — из Енисейска, и его отец, дед ЗЫРЯНОВ, тоже оттуда. Дед занимался извозом, пока не раскулачили, отобрали единственную лошадь. Бабушка в посёлке Соврудник неподалёку от Енисейска держала столовников: так раньше называли людей, которые питались частным порядком. Многие тогда жили в бараках, в общежитиях, и бабушка у себя дома готовила им еду, держала вроде как столовую.

За таким обедом моя мама и познакомилась с моим отцом. Мама закончила иркутские финансовые курсы и приехала в Соврудник по распределению. Рассказывала, как интересно они тогда жили: были клубы, она и отец в театре играли, на лыжах бегали.

Это был посёлок с золотыми приисками, но отец работал не на руднике: выучился на курсах и поступил на службу в органы. Моя младшая дочь говорит мне: мама, ты в детстве своим отцом гордилась, но ведь то, чем он занимался, это ужас! А я откуда знала в детстве, чем он занимался.

У бабушки, звали её Мария Илларионовна, я была любимой внучкой. Может, потому что она тоже всю жизнь своевольничала. Их дом в Енисейске белые заколотили досками и сожгли: бабуся с матерью в магазин вышли, а вернулись на пепелище. Фотографии того дома сгоревшего есть даже в музее в Енисейске, там братья бабушкины погибли.

Потом, до революции, она в батраках жила — вспоминала, как хозяин привозил им в поле мясо тазами и молоко вместо воды. Понимал, что на каше хорошо работать они не смогут.

Бабусю рано замуж выдали, насильно: жених был меньше её ростом. Убегала она от мужа каждый вечер к родителям, но отец её косу на руку себе намотает и обратно ведёт. Шестерых детей они с мужем нажили, но как советская власть пришла, бабуся от него всё равно сбежала.

Наша семья в 1934-м приехала в Красноярск. Старшая сестра моя, Альбина, родилась ещё на прииске, а уже потом, в 35-м, брат Виктор, а в 37-м — я. Почему нас с сестрой иностранными именами назвали? Не знаю, может, кино какое-нибудь посмотрели. Вот соседских детей во дворе звали Кримгильда и Альберт. Кримгильду потом, правда, как Римму записали в паспорте.

Маме моей было всего 24 года, а у неё нас уже трое росло. И в деревянном квартале, где мы жили — на Маркса рядом с «Лучом», где сейчас магазин «Кристалл», — в каждой семье было по трое-четверо ребятишек.

Вот сегодня я, считай, своих соседей почти не знаю. А в детстве — весь квартал…

Всем двором мы играли в лапту и в тимуровцев. А ещё, я совсем маленькая была, помню, мы воду на Маркса продавали, 5 копеек стакан. Наберём ведро и выходим на улицу. И ведь покупали прохожие, из одного стакана пили.

И детство, и молодость вспоминая, думаю: мы были счастливее, чем нынешняя молодёжь. И радостнее, что ли… Вот как мы гуляли, когда уже были студентами? Винегрет и газировка «Буратино». Штапельную юбку-солнце наденешь… Когда я в институт поступила, мама из шинельного сукна сшила мне зимнее пальто — какая я в нём была нарядная!

Сейчас есть всё, но дети маются: скучно. А мне вот и сейчас не скучно, я или читаю, или вяжу. 53 года как записана в городской библиотеке. Книги раньше не достать было. У нас в семье как появится дома книжка, мы с Витькой наперегонки её читаем и уроки делаем. Полчаса он читает, полчаса я. А ещё, кроме уроков, многое нужно было успеть.

Вот спроси сейчас у детей: какая у них дома обязанность? Да никакой. Учиться. А у нас? Отец умер, и мама воспитывала нас в одиночку. В доме было две печки, и я должна была дрова заготовить: напилить, наколоть — в

10-12 лет я уже делала это одна. Алка дом прибирала, а потом мы вместе готовили. Конечно, могли и чуть не весь день дурака провалять, но перед маминым приходом всё кипело!

Мама нас за провинности наказывала. В углу стояли на коленях, ремнём тоже доставалось. Особенно один раз, когда мама узнала, что мы с Виктором Алку напугали, спрятавшись в темноте.

Так же я и учителя немецкого в школе один раз напугала. Меня тогда из моей 20-й женской школы выгнали, а мама даже и не знала. Отправили меня на Горького, в 4-ю женскую. Прихожу, а директор говорит: иди отсюда, не возьму, у меня своих хулиганов хватает. Пришлось обратно возвращаться, но ничего, приняли. 10 классов закончила. Дисциплина была суровая, когда я уже старшеклассницей один раз брови накрасила — к директору вызвали.

А родительские собрания — когда маме на них ходить? Она работала в Крайздравотделе и во время войны была начальником всех городских госпиталей.

Помню, как мы в госпитале на углу Мира — Перенсона выступали перед ранеными, пели, стихи читали, а ещё пирамиды выстраивали: делай раз, делай два, в штанах длинных и майках.

Когда война закончилась, мне было 8 лет. А день рождения у меня 9 мая, и когда в Красноярске проходил парад Победы — а у нас тут был грандиозный парад! — я считала, что это в мою честь.

В 1944-м отец заболел. Сердце. В 32 года он умер от сердечного приступа, когда был в Москве на лечении. Его там и кремировали. Мама уезжала в Москву вместе с ним, а домой вернулась одна, привезла урну, похоронили на горе, на Покровском. Десять дней поезд шёл до Красноярска.

После смерти отца жили голодно. Мама уйдёт на работу — нам три кучки сахара на стол насыплет и по куску хлеба на весь день даст. А какие очереди за хлебом стоять приходилось, по ночам занимали! До сих пор то чувство голода помню и до сих пор люблю хлеб, посыпанный сахаром.

Картошка была. Сажали её в Северо-Западном, тяпать пешком туда ходили, конечно. Вот мы иногда, когда мама уйдёт, почистим картошки, пожарим её на воде, а очистки — на печке прямо. Соседей позовём, устроим пир…

А у моей подруги Нельки мать работала поваром в городской больнице. Иногда скажет: приходите вечером кашу есть. Вкрадче положит нам манной каши. Ничего вкуснее не было на свете! И ещё вкусно было, помню, когда ходили на каток. Это уже после войны: хлеб возьмём и где-нибудь на трибуне в снег зароем, а потом, накатавшись, едим. Слаще любого пирожного!

↑ Зыряновы, 1939 г.
← Неля, 6 лет
↗ Нелли Николаевна с мамой и братом, 80-е

Кинотеатр «Луч» тоже был деревянный, и мы по многу раз на одно и то же кино ходили. Бывало, в туалете спрячемся, пока все выходят, и снова в зал.

Ещё любили мы в детстве и юности в Центральный парк ходить. Тогда это был настоящий кусок тайги, с высокой травой, с цветами. Возьмём покрывало и валяемся на траве. А сейчас в нашем парке ни травинки.

Я выросла, считай, на Енисее. Мы же почти на берегу жили, бельё ходили на реку полоскать. А как было красиво, когда начинался ледоход! Каждую весну бегали смотреть.

Енисей летом теплый был, до того как ГЭС построили. Вот спускаешься по Диктатуры, а там внизу пляж. Я легко переплывала до острова Посадный. Это остров вдоль набережной, заканчивается в районе Перенсона — а в другую сторону до конца комбайнового, там водозабор сейчас.

Или возьмём лодку напрокат и ныряем на середине протоки. Тогда все смотрели фильм «Тарзан», и мы под водой друг за друга хватались, как в кино, и плыли цепочкой. А как плавать учились? Возьмёшь наволочку, надуешь её и держишься одной рукой.

Отпускали ли родители? Да они и знать не знали. Мы и ночью умудрялись ходить купаться. Вот уснут взрослые, а мы тихонько двери откроем — и бегом на Енисей. Всей оградой. И везде босиком.

Разве я бы сейчас своих детей отпустила купаться одних или там на Столбы? А мы на неделю туда ходили! В старших классах уже. Никаких там изб, даже палаток у нас не было. Ночевали прямо в углублениях скал. Ни одеял, ничего не брали, подстилали траву. Вот ляжем человек десять в какую-нибудь узкую нишу, все на один бок. Спим. А потом кто-нибудь скомандует: поворот! И все одновременно поворачиваются на другой бок.

Еду варили на костре, гречневую кашу из пакетов, и хорошо, если банка тушёнки была, одна на всех. А идти надо было пешком, на электричке до станции «Енисей» доезжали и дальше шли до Каштака, а потом по Каштаку в гору. Я абсолютно все Столбы облазила, с Перьев шкуродёром спускалась.

Со своим будущим мужем я познакомилась из-за мотоциклов. У моего брата уже был мотоцикл, и у Альберта во дворе, а я с его сестрой дружила. Володя к Альберту приезжал, так и познакомились. А потом он меня тоже учил управлять мотоциклом. Уедем с ним в район Телевизорного завода — тогда там никаких домов не было, он передаст мне руль. И сколько раз бывало скажет «тормози!», я тормозну, и он через меня летит. Без всяких шлемов катались, не было тогда ничего такого! Один раз я такой крутой поворот заложила, что при торможении вылетели оба. Но ничего — машин же раньше не было. Машина если раз в день проедет по улице, и то хорошо. Там, где стоял наш дом, был трест столовых, и во дворе стояли сплошняком лошади. А мостовые были вымощены булыжниками.

В тот раз, когда свалились, я уже на права сдала. Потом меня три раза их лишали за превышение скорости.

Свадьбы тогда не играли так, как сейчас. Помню, подали заявление, не говорили никому. В назначенный день после работы Володя меня на мотоцикл посадил, приехали в загс на Горького, расписались — никаких свидетелей. Купил он бутылку портвейна и поехали к его родителям. Свекровь говорит: я так и знала.

Отмечали потом нашу свадьбу у них во дворе, накрыли стол прямо на улице. Платье мне сшили.

А перед свадьбой чья-то собака выла во дворе всю ночь. Володя погиб через год: в начале апреля провалился на машине под лёд, когда через Енисей ехали. Шофёр выскочил, а он не успел. Нашей дочке было всего два месяца.

Но молодость всё сглаживает, время идёт… Через десять лет я снова вышла замуж, родила младшую дочь. Внуков двоих вырастила.

Всю жизнь мы работали, чай не пили бесконечно, как сейчас в офисах. Помню, как в моём лесотехническом институте выступал один известный в городе лектор, говорил: через 20 лет наступит коммунизм. И мы в это верили. Ведь на самом деле не для себя работали, для страны. Нет-нет, я никого сейчас не осуждаю, каждому своё время.

Надо радоваться каждому прожитому дню. Раньше мы жили хорошо, но и сейчас не хуже. Плохо, что медицина стала такой, что неохота идти к врачу. Придёшь, а тебе говорят: вам уже столько лет, чего ж вы хотите? А я хочу дожить и умереть здоровенькой. Да я и не хожу, собственно, по больницам. Но вот дочери пришлось как-то вызвать врача домой. И врач, молодая совсем, возмущалась, что пришлось прийти! Ещё добавила: не дай бог у вас будут хорошие анализы. Мол, зря вызвали.

В брежневскую эпоху с медициной дела лучше обстояли. И со многим другим тоже. Мы часто ездили по турпутёвкам, детей в лагерь могли отправить. А сейчас? Главная беда в том, что всё стало частным. Как можно было отдать недра в частные руки? Алюминиевый и никелевый заводы, которые вся страна строила?

Впрочем, и раньше человек ничего не стоил. В советское время — закрытые магазины, дачи, машины у чиновников. Сейчас в чём преимущество: ты всегда можешь накормить ребёнка и купить ему игрушку. А мы игрушки рисовали себе сами. Кукол шили из тряпья. Ещё, помню, в лото играли с фантиками, которые по всему городу собирали.

В начале 90-х, когда я пошла на пенсию, выживать было трудно. Пенсии насчитали очень маленькие. И я пошла торговать на рынок. Ездили мы в Москву за вещами, в Лужники. По 50 килограммов сумки волокли, надсажались. Сколько там, в Лужниках, было народу, страшная толчея — со всей страны! Семь лет я так торговала. А потом дочь в Польшу решила переехать и меня тоже уговорила.

В Польше я часто ходила в костёл. Там во время службы все сидят, и даже если стоишь на коленях, есть удобная дощечка. Перед службой ксендз собирает детей, играет с ними. На Пасху каждому ребёнку уделит внимание. Может, оттого, что их с детства в церкви воспитывают, в Польше нет такого пьянства? Если пьяный на улице вдруг пройдёт мимо тебя — так он десять раз скажет «пше прашем», «пше прашем…» — «извините». За семь лет, что мы там жили, ни разу не видела, чтобы кто-нибудь валялся на улице.

И ребёнка там можно спокойно одного отпустить. Внук маленький был, когда мы в Польше жили. Первое время, как приехали, я всё за ним следом. А мне говорят — не волнуйтесь, у нас никто не пропадает.

Или вот в школе. Там детей класса со второго на плавание возят. И всегда с ними обязательно едет сестра, следит за детьми. Девчонкам всем волосы высушит…

Мне в Польше нравилось. Не уехала бы оттуда, если бы там была вся моя семья, и все нашли работу…

Но русских, конечно, там не любят. Особенно старое поколение не любит, те, кто пережил войну. Мы оккупанты для них. Там считается, что Вторую мировую войну выиграли США. У них своя пропаганда. Когда по телевизору показывали наши новости, то на заставке, помню, всегда был пьяный Ельцин. Или женщина, покупающая в магазине колбасу — ей протягивают кусок колбасы, без упаковки, и она тут же начинает жадно есть.

Конечно, везде хорошо, где нас нет. Но вот я на даче как ни таскаюсь с помидорами, а красного всё равно ни одного нет на кусте. А в Польше всё растет. Когда сосед обрезал там виноград, я подобрала палочки и просто вдоль забора воткнула. Так потом мы месяц виноград ели.

Да что сравнивать, тут Сибирь. Где-то я читала, что Россия — это поле для экспериментов. Выживут — не выживут. Так оно и есть.

В 2002 году мы вернулись из Польши, да ещё и собак с собой привезли, которые там у нас во дворе жили: дворняжку и мастифа. Я стала работать в газетном киоске. И за внуком было удобно присматривать. Школа напротив, я его после занятий домой отведу, обедом накормлю, замкну и снова в киоск.

А сейчас продаю лотерейные билеты. У всех людей свои проблемы, но у всех одно и то же. Дети, внуки… Молодёжи родители мешают, а старики хотят детям помочь… Вот и играют в лотерею, покупают эти билеты. Но почти никто никогда не выигрывает.

Татьяна АЛЁШИНА

Попытка объясниться

Поколение П, Х или Next? Как только не называют молодёжь. На самом деле мы мало что понимаем друг о друге, и ещё меньше о нас понимает старшее поколение. Сейчас все те, кому официально разрешили называться молодыми людьми (от 18 до 35 — а разница, согласитесь, огромная), очень условно делятся на две большие категории. Инициативные и индифферентные. Кого больше — вопрос открытый. А уж как эти характеристики переплетаются в молодых людях — и вовсе интересно.

Поехали? Только айфон не забудь!

Нет, космонавтом быть уже никто не хочет. Разве что космическим туристом, ведь для этого не нужно прилагать так много усилий, а испробовать, что такое невесомость, всё же интересно. Теперь все едут путешествовать. Никого не удивляют люди, отправляющиеся в Индию на 2-3 месяца, колесящие в автомобилях по Европе и даже на велосипедах — по Мексике. Жажда приключений, новых знаний или просто смены обстановки влечёт молодых людей.

Мы встречаемся с моим давним другом Алексеем ПЕЩАНСКИМ. Это солидный молодой человек, работающий на двух работах. Он — старший преподаватель кафедры обработки металлов давлением СФУ, кандидат технических наук, а на второй работе — помощник руководителя по информационным технологиям. Для меня, впрочем, он просто Лёша. Недавно мой друг вернулся из Португалии, но уже активно планирует летний отпуск — выбирает между Парижем и Барселоной, а в идеале хочет совместить посещение двух стран.

На его айфоне все необходимые приложения. Anywayanyday и Momondo помогают быстро сориентироваться по дешёвым билетам и тут же заказать их, Booking.com — подсказывает удобные гостиницы и хостелы, сообщает о распродажах, программа-переводчик — специально для путешественников, много разных карт, а чтобы в дороге не скучать — несколько «читалок», игрушек и обновлённый плей-лист. Ну, и все возможные социальные сети — чтобы всегда быть на связи. Параллельно нужная информация высвечивается и на Макбуке, он у Алексея в красивом оранжевом чехле. Здесь ещё и документы, и какие-то файлы… Почти всегда всё под рукой — без гаджетов нынче никуда.

— Лёш, зачем так много «яблок»?

— Ты на себя посмотри!.. (*Разговор записывается на диктофон моего айфона. Очень удобно*).

— Живого контакта не хочется?

— То, что я онлайн «ВКонтакте» — ещё не значит, что я погружён в мир Интернета с головой. Я не делаю безумные перепосты сообщений, не смотрю миллион фотографий у друзей и вообще использую социальные сети только как способ для общения. Проблема ухода в виртуальность — не про меня. Мне важно быть на связи с важными людьми, но если будет выбор — я всегда предпочту личное общение.

Мы возвращаемся к теме путешествий. Лёша побывал уже во многих странах, не говоря о том, что исколесил пол-России. Он считает, что это не просто способ отдохнуть или развлечься. Это способ саморазвития.

— Когда мы сходим с трапа самолёта в «Емельяново», мы уже не те, что были раньше. И те вещи, которые видели в дальних странах, не просто оставляем в памяти в качестве цветных картинок, а стараемся взять лучшее и перенести сюда, начиная от кухни и заканчивая подходом к ведению дел.

К каждому путешествию он готовится заранее: читает путеводители, изучает историю, смотрит фильмы. Для него чужая культура не только в архитектуре или живописи, ему интересен маленький уютный португальский бар, в котором прямо на стену соседнего дома проецируют запись культовых концертов, или питерский «мозаичный дворик», который скрыт от большинства глаз, но заставляет возвращаться вновь и вновь.

При этом вопрос о переезде Алексей для себя решил отрицательно: «Бывали мысли, не скрою. Но я недостаточно конкурентоспособен на рынке труда, да и заграницей вряд ли кому нужен, я это прекрасно осознаю. Что до российских городов, то я безумно люблю Питер, но жить в нём тоже не хотел бы. Я лучше здесь буду зарабатывать столько, чтобы летать в Питер, когда захочу».

Кстати, многие молодые люди его возраста уже уезжали в одну из столиц, пожили там и вернулись. Есть даже мнение, что наметился новый тренд: уехать «пожить», а не жить. Пока молодые — нас ничего не держит и хочется попробовать, получить опыт, сравнить уровень, удовлетворить профессиональные амбиции… И вернуться. Потому что здесь дом, семья, друзья и всё, абсолютно всё, родное. Другие ценности.

Об этом могу говорить с уверенностью — сама год жила в Питере и вернулась. Почему? По вышеуказанным причинам. Работа была лучше (и «оплачиваемее»), атмосфера города окрыляла, культурная составляющая давала сто очков вперёд родному городу, Европа доступнее. Но одиночество не дало остаться там.

Есть, конечно, немало примеров, когда люди уезжают и остаются в Москве или Питере, а то и в Копенгагене или Нью-Йорке навсегда. Хотя думается, что миграция и «утечка мозгов» были во все времена.

За что хвататься?

— Миграция, может, и была всегда, — не соглашается Алексей, — но я считаю, что её бум пришёлся всё-таки на современное поколение.

Главное преимущество и одновременно недостаток — это море возможностей и информации. Раньше не было Интернета, дешёвых авиабилетов, мобильной связи и всего такого. Мир был гораздо уже. А сейчас на расстоянии вытянутой руки столько возможностей, что мы не знаем, за что хвататься. Интересно же всё! Поэтому, с одной стороны, путешествовать хочется, с другой, — получается всё поверхностно. Там, там похватали знаний, а стержня нет.

По идее, молодых во все времена зажигали разного рода идеи: запустить человека в космос, построить БАМ, победить фашизм. Но сейчас общество не генерирует такие идеи, и у нас нет социального драйва. Поэтому все строят свой персональный рай. Думают о том, как заработать больше денег, а не как родить идею, которая будет будоражить умы.

Национальной идеи нет. Культурного стандарта нет. Информации — вал. И правда — за что хвататься?

Пойти на фестиваль мультиков? На митинг (неважно, против чего)? На день города? Сопровождая выбор диалогом: «Ты что наденешь?» — «Да вот думаю… Надо что-то поярче. И плакат ещё нарисовать, я пару идей в Интернете подсмотрел»…

Время летит, и век, в котором мы живём, особенно быстрый. Мы привыкли к клиповости мышления, сжатости информации, инфошуму, к тому, что всегда, постоянно что-то происходит. И мы впитываем это, хотя по большому счёту нас это и не касается, и мы забудем об этом через 30 минут. Да что там — через 10.

А для чего этот интерес «ко всему»? Уж не для того ли, чтобы потом показать друзьям, что ты в теме?

Мой знакомый Вова ИГНАТЕНКО работает специалистом по связям с общественностью в одной из фирм. Он называет таких людей «мнимые интеллигентишки», принципиально дистанцируясь от них. Считает, что напускной интерес не есть хорошо, но соглашается, что сидеть дома у телевизора ещё хуже.

— Те уж совсем деградируют, — не скупится Вова развешивать ярлыки. — У других хоть поверхностная заинтересованность есть, поэтому они осваивают лазертек, читают популярную Верочку ПОЛОЗКОВУ, смотрят арт-хаус и покупают планшетники. Самое главное, что об этом все друзья и знакомые знают — сколько дел можно одновременно делать!!! А копни глубже — кто из них тебе ответит, что такое арт-хаус и откуда вообще взялось это понятие? Да никто!

Поверхностность — ещё одна характеристика современного поколения, и тут не поспоришь. Она привносит мнимую насыщенность и в то же время лёгкость в жизнь.

— Ты вроде и в теме, — продолжает Вова, — но в то же время не напрягаешься. Всё идёт, как идёт. Какая разница, что внутри, если фантик яркий? Раньше в университетах готовили специалистов по самым фундаментальным направлениям, а теперь всё управленцы да менеджеры. Куда-нибудь с общим набором знаний потом на работу авось и возьмут.

Диагнозы

Ещё одна характеристика нынешнего времени — никаких тайн противоположного пола, ничего сакрального. Чтобы эту загадку вернуть, кто-то начинает искать «изюминки», острых ощущений, порой — на грани запретного и противоестественного. Но чаще люди просто не пытаются нырять вглубь взаимоотношений, даже не стремятся к созданию уникальной единственной связи, наоборот, всячески стараются не пустить корней, не доводить «любовь» до серьёзного накала. А ещё отсутствие тайн в знаниях о женщинах и мужчинах заставляет нас вести себя неадекватно и рождает, как ни странно, … страх друг перед другом.

Вспоминаю недавнюю серию статей из «Русского журнала» — «Нервная девушка» и «Нервный юноша». Зацепило.

Автор, Александр МОРОЗОВ, пишет о том, что в отношениях полов нынче культивируется нервозность. Девушки взращивают в себе психическую неустойчивость, непредсказуемость реакций и ненормативную лексику. Взвинченность воспринимается как естественность, а вовсе не свидетельствует, что «что-то плохо».

Это постоянный, непрерывный, катастрофический апокалипсис. «Мальчик теперь знает, что девочка «вся на изломе», постоянно говорит громко и с напором, но это не значит, что происходит что-то такое в её внутреннем мире или в её социальных коммуникациях, что требует «человеческого участия». При этом — сквозь пену взвинченности — мальчик умеет различить, где у девочки, действительно, случилось то, что требует и его участия. Интересно, какова будет дальнейшая судьба этого городского поведенческого стиля», — пишет автор.

А дальше он переключается на юношу и выявляет, что у нынешних молодых людей совершенно нет «ядра личности». И вот огромное число молодых девушек высказывают парням схожие претензии под девизом «Начало мужского конца, или да здравствует инфантилизм».

Андрей ИВАНОВ попросил изменить его фамилию. Стыдно, что ли, стало в последний момент… На интервью по теме «Инфантилизм» он согласился просто потому, что я знакомая знакомых и дома у него уже бывала. Надо же помочь хорошему человеку (мне). Дома у него ремонт — старый диван ещё стоит, но окна уже пластиковые и обои новые. Сам переклеил. На кухне — старая посуда, чайник, который кипятится на плите. Но в вазочке имеются и конфеты, и пирожные. Что-то изменилось с моего прошлого визита? Ах, да, нет пустых пивных бутылок…

У Андрея появилась девушка, которая его хоть как-то тянет. Правда, похоже, оба они не знают — куда. Раньше ему совсем ничего не было нужно. Он просыпался в обед, смотрел телевизор, ехал кататься на машине, заодно «бомбить». Таксистом и зарабатывал на жизнь. Старенькая машина, старенький, вытянувшийся свитер, старенький «нокиа». Его всё устраивало. На пельмени и на пиво хватало. Ничего не хотеть — так удобно и просто. Пускать всё на самотёк — тоже наша отличительная черта.

Потом появилась Ира. Стала просить шубу. Потом телефон. И ещё машину. Инфантилизм пропал с необходимостью действовать. Для неё он был готов на всё. А вот для себя — до сих пор не всегда.

— Знаешь, откуда это пошло? А я знаю (у меня же времени свободного много, я думал). Это всё из-за войны. Мужчин мало было, матери-одиночки как детей воспитывали: лишь бы у птенчика корм был, всё для него, никакой самостоятельности. А в результате общество утратило модель поведения «мужчина-женщина». Осталась только «мать-ребёнок». Мужчины просто не видели, как нужно заботиться о женщине. А женщины на себя роль матери сразу принимали. Вот и пошло-поехало.

Это хорошо, что ты сейчас об этом пишешь. Хорошо, что задумываться стали. Постепенно всё вернётся на круги своя. Это временно. Вон, даже я, видишь, меняюсь потихоньку.

Мнение автора может не совпадать…

Большинство моих знакомых молодых людей работают со студенческих лет, успешно завершают проекты на работе и празднуют это походом на Столбы. Не позволяют девушке даже подумать достать кошелёк в кафе, занимаются саморазвитием и, вообще, — преуспевающие, инициативные, активные. И за здоровый образ жизни.

Мои друзья умные, думающие, увлечённые люди. Которым не всё равно, которые обернутся, если человек на улице закричит, переведут старушку через улицу, из путешествия привезут раскопанные своими руками артефакты, а не фотографии с коктейлями около бассейна. Которые… много что ещё. (Большинство из них не курит и не пьёт, вот!)

Но мы видим и других. Тех, кто приходит с работы и садится играть в компьютерные игры, пока жизнь играет с его сверстниками в игры более увлекательные. Тех, кто сидит на шее родителей. Кому ничего от жизни не нужно, и бороться с инфантилизмом не даёт индифферентность. Кто, согласно известному интернетовскому мему, стал «более лучше одеваться» или не смог вспомнить столицу Канады. Но я-то знаю: «моих», которые горы свернут, — больше!

Анастасия АНДРОНОВА

Возраст слова

Рубрику ведёт доктор филологических наук Т.В. ШМЕЛЁВА, профессор Новгородского университета им. Ярослава Мудрого

Человек ощущает возраст слова субъективно — на фоне своей жизни, жизни своего поколения.

Хорошо ощущается молодость слов. Чаще всего бывает так: появилась какая-то реалия, а вслед за ней — слово. Его новизна навязывается новизной вещи. Но, оказывается, у слова свой возраст в каждом языке. Какое нам дело до того, что слово столетия уже существовало где-нибудь во французском? Перед нами оно «выскочило» вдруг из-за совершенно новой вещи; значит, для нас оно — новорождённое. И мы сами начинаем отсчитывать его возраст.

Вот слово *гламур*. Мы ощущаем его лет на 20, не больше. Но, как можно прочитать даже в нелингвистических журналах (одно время об этом слове писали много, сейчас оно не так волнует), *гламур* в понятном нам теперь значении появилось в Соединённых Штатах в 30-е годы прошлого века и «возделано» Голливудом. Однако не американские воспеватели шикарной жизни его придумали, а взяли из шотландского языка, где слово обозначало колдовство и наведение чар; туда же оно пришло из французского, где стало переосмыслением латинского слова grammatica. Ведь колдовство связывали в Средневековье с книжностью. Слово же grammatica — греческое и означает буквально «искусство письма». Однако для нас слово *гламур* молодое. Но в том, что оно уже наше, сомнений нет — так быстро оно обзавелось русской родней: *гламурный, гламурненький, гламурище, гламурность, гламуризация, гламуряне, огламуриться*….

Молоденькие слова не обязательно появляются извне. Вдруг влетело в молодёжную речь слово *печалька* (пишется *пичалька*). Кинувшись узнать про него в Интернете, обнаружила, что любят его *девочки-ванильки*: новый типаж в нашем социокультурном пейзаже, и новый *лексикончик*, если позволите.

Надо сказать, что к появлению новых слов относятся поразному. Одни их радостно подхватывают и делают модными (напомню о «Словаре модных слов» Вл. НОВИКОВА, в прошлом году вышел вторым изданием с надписью на обложке «Для интеллектуальных гурманов»). Другие сопротивляются и всё норовят уподобить их словам знакомым: появившиеся у нас недавно *полисы* многие именуют *полюсами*, им так привычнее.

Старыми кажутся слова, которые употребляли до нас, которые мы слышали, скажем, от бабушки или встречали их, читая книги об истории. Одни слова ушли из лексикона вслед за вещью. Сможете ли вы описать, как выглядит *лучина* (даже если с удовольствием поёте *Догорай, гори, моя лучина*…)? Можете нарисовать *шушун*, в котором, как рисовало поэтическое воображение Есенина, выходила встречать его мать? Много раз убеждалась, что студенты не знают, что такое *примус* и *керогаз*, на которых моим ровесникам в детстве варили каши и супчики. Молодёжь не понимает выражения *отбить телеграмму*… Все эти устарения вполне объяснимы. Но почему женская сумка перестала быть *ридикюлем*, а стала просто *сумкой* — вопрос без ответа. Устарело слово, хотя вещь не исчезла. Почему молодые люди перестали говорить *железно, законно*, а стали щеголять словечками *клёво, прикольно*? Ответить на этот вопрос никто даже не берётся.

Итак, мы ощущаем возраст слова на фоне своего языкового опыта. И это субъективное измерение очень важно для нас: заметив, что «так уже никто не говорит», мы вносим коррективы в свой лексикон или подчёркиваем свою приверженность к старому.

Однако должно быть понятно, что эти ощущения далеки от понимания реального возраста слова — его существования безотносительно к языковому опыту того или другого поколения. Такой возраст известен лингвистам, это — часть профессионального знания специалиста по истории языка.

Что касается молодых слов, то здесь лингвистическое знание практически совпадает со знанием обывательским. Лингвист может только установить реальные источники, из которых почерпнуто слово, объяснить превратности его смысловой судьбы.

Что до старых слов, то для лингвистики есть существенное различие между словами, возраст которых можно проследить по книгам и словарям (так выясняется **абсолютный возраст**), и теми, возраст которых определяется только **относительно**.

Самыми старыми оказываются слова, которые находим во всех индоевропейских языках: их унаследовали от общего языкового предка, существовавшего четыре тысячелетия назад. К таким словам относится *брат*, которое мы слышим и произносим каждый день. В английском brother, если приглядеться, нашего *брата* узнать можно и без особых лингвистических познаний. Правда, русскому уху это слово кажется коротковатым, поэтому в бытовом языке появляются *братик* и *братец*, в просторечии — *брательник*, в сленге *братан* и *братуха*. Представить же, что корню всех этих слов четыре тысячи лет — трудновато, но это и есть признак лингвистической образованности.

Кстати, счётные слова *четыре, два, три* — столь же почтенного возраста. Правда, как и *брат* (и другие термины родства), они в каждом языке получили свое звучание, зафиксированное потом письмом, но это не мешает нам узнавать нашу *двойку* в греческих словах *дилогия, диптих,* латинском *дуплекс*, итальянском *дуэт*. Такие же ряды с *три, четыре, десять* можно припомнить без большого труда.

Возраст более двух с половиной тысяч лет обнаруживается у слов, которые родились в праславянском языке и сохраняются славянскими языками как наше общее наследство. Среди них слова, называющие время и времена года — *час, лето, зима, весна, осень*… Всё это было названо славянами, когда они жили вместе и вырабатывали, не подозревая об этом, общую языковую картину миру. Важное место в ней занимают название частей тела; с их помощью именовалась также действительность, её ориентиры (*по правую руку*) и координаты (*с головы до ног, сколько хватает глаз*). Встреча с любым славянским языком — это радость узнавания и ощущение возраста собственных слов. Ведь если на польском вокзале написано TOR 1, то русскому человеку нужна секунда, чтобы догадаться: первый путь! У нас нет этого слова, но *ТОРить дорогу, проТОРенный путь* — есть.

Ощущение объективного возраста слова появляется с изучением языка и языкознания, но для интеллигентного человека любой профессии оно кажется совсем не лишним. Оно напоминает ежедневно: нашим голосом говорят и миллионы людей, с которыми нас разделяют тысячи лет. Это волнующее ощущение, не правда ли?

ВЗГЛЯД

Историческая «дедовщина»

К вопросу о возрасте государств и народов

Даты основания молодых государств историкам хорошо известны, а что касается древних цивилизаций, то их история окутана мраком тысячелетий. Самые ранние цивилизации возникли в долинах великих рек Африки и Азии. В V-IV тысячелетии до н.э. они появились на берегах Тигра и Евфрата (шумеро-аккадская, ассирийская, вавилонская) и в долине реки Нил. Чуть позднее — в III–II тысячелетии до н. э зародилась индийская, во втором тысячелетии до н. э — китайская цивилизации.

Примечательно, что люди как биосоциальные существа появились приблизительно 3 млн лет назад. Человек современного типа сформировался 40 тыс. лет назад. За это время на Земле сменилось 1600 поколений людей, 1200 из них прожили свою жизнь в пещерах, 240 знают письменность, 22 — читают печатные книги и лишь последние 5 поколений пользуются благами, связанными с появлением электричества, автомобиля, самолёта, радио, кинематографа и т.д.

Этнический состав населения мира и отдельных стран непрерывно изменяется. История даёт нам многочисленные свидетельства того, как на протяжении столетий и тысячелетий менялась этническая картина обитаемой части земного шара. Появлялись и бесследно исчезали народы, осваивались целые континенты, многие этносы покидали свою родную землю и пускались в дальние странствия.

«Возраст» ныне обитающих народов очень разный. Если персы и армяне сложились как этнические общности более двух тысяч лет назад, то американская нация существует немногим более двухсот лет. Если японцы сформировались уже настолько давно, что антропологические различия внутри народа почти не прослеживаются, то молодые нации Латинской Америки нередко состоят из смешанных расовых типов.

Ещё 13 веков назад Северная Африка была заселена различными берберскими народами и потомками древних египтян — коптами, а ныне во всех североафриканских странах преобладают арабы. Полтысячелетия назад всё население Америки составляли индейцы да расселённые на Крайнем Севере эскимосы и алеуты, теперь основную часть жителей образуют молодые нации, говорящие на испанском, португальском, английском и французском языках. Если несколько столетий назад по австралийскому континенту бродили лишь племена аборигенов, занимавшиеся охотой и собирательством, то теперь 97% населения Австралии составляют представители молодой англо-австралийской нации и постепенно сливающиеся с ней группы иммигрантов европейского происхождения. Примеры коренного изменения этнического состава населения обширных регионов мира можно продолжать до бесконечности.

Вопрос о возрасте государств и народов является предметом дискуссии как специалистов, так, к сожалению, и интерпретаторов.

Начнём с нашей страны. «Откуда есть пошла Русская земля?» — этот вопрос летописца XII века до сих пор остаётся в науке без однозначного ответа, поскольку относительно достоверные и подробные сведения о славянах в письменных источниках появляются только с VI в.н.э.

«Сенсационные» публикации математика А.Т. ФОМЕНКО объявляют известную нам по книгам европейскую историю до XI века — вымышленной, а историю России до XVII в. — сфальсифицированной по заказу династии Романовых (с целью очернить «ордынскую династию» Руси, которая на самом деле была «монгольской империей»).

Исследования, подобные «Мифам древних славян» Г. ГРИНЕВИЧА и А. АСОВА, основываются на так называемой «Влесовой книге». «Влесова книга» — деревянные дощечки с непонятными письменами, якобы обнаруженные в России в 1919 г. Сами дощечки странным образом исчезли в 1941 г., но расшифровка их копий до сих пор представляет собой захватывающий рассказ об истории древних славян с IX века до н.э по IX в.н.э. (публикации такого рода стали появляться в 50-х г. XX в.).

Палеографический и языковедческий анализ текстов «Влесовой книги» показал, что «открытие» является не слишком грамотной фальсификацией с целью обоснования тезиса о славянах как основателях всей европейской цивилизации. К науке это отношения не имеет и представляет интерес лишь как определённые проявления реакции на былую «официальность» школьной истории в совокупности с вполне «рыночными» спекуляциями на историческую тему.

Кстати, о европейской цивилизации. Почти все недавно обретшие независимость государства пытаются доказать свою принадлежность к Европе, пересматривая историю, ссылаясь на политиков, писателей, деятелей культуры прошлого — словом, используя все возможные аргументы. Так, некоторые украинские идеологи убеждены, что Украина — неотъемлемая часть Центральной Европы, а с Россией у неё нет ни общих корней, ни общих интересов. Украинцы — истинно славянский и, стало быть, европейский народ, а русские — поздняя помесь славянских племён с финно-угорскими и особенно тюрко-монгольскими элементами, насильственно навязавшие украинцам свою азиатскую отсталость. О древности своего народа киевский школьник узнаёт из учебника по истории Украины для 7 класса (ЛЯХ Р.Д, ТЕМИРОВА Н.Р., 2005 г.), где выясняется, что история украинского народа насчитывает 140 тыс. лет! И это первая строчка учебника. Далее поясняется, как на Украине (словно тогда уже существовало это уважаемое государство) расселялись неандертальцы.

Молдавским школьникам, напротив, предстоит другое испытание: здесь звучат призывы не изучать историю Молдавии, а сразу начать с истории Румынии. Теперь с нетерпением можно ожидать известий из Косова: как это новое государство представит древнейшую историю своей независимой страны?

История всё явственнее превращается в политику, опрокинутую в прошлое. Так рождаются мифы и этноцентристские стереотипы, которые сохраняются этническими культурами и известны с давних времен. Например, древние греки и римляне считали «варварами» народы, говорящие на непонятном им языке. Аналогичным образом китайцы считали себя «пупом земли» и именовали «варварами» всех некитайцев.

Стереотипы экономят усилия при восприятии этнических различий и ориентируют на внутреннюю солидарность и внешнюю нетерпимость. Националистические идеологии XIX-XX вв. использовали этнические мифы об общей этнической родине, общем языковом наследии и мессианизме. Мифы предполагают обобщённую картину генетической связи индивидов с этногруппой, благодаря которой они находят историческое местоположение, приобретают самоуважение и формируют чувство нетерпимости к воспринимаемому враждебным окружению. Миф содержит священные воспоминания о возникновении этноса, о миграции и борьбе с врагами, о золотом веке народа, последующем упадке и будущем возрождении.

Что же способствует необъективному восприятию исторического прошлого? Здесь много причин. Это и затруднённость проверки исторических фактов ввиду их «хроноотдалённости»; и неумение большинства людей самостоятельно осуществлять грамотное историческое исследование; и получение информации «из вторых рук»; и нарастание в общественном восприятии неактуальности прошлого; и господство массовой культуры, насаждающей поверхностное и упрощённое мировосприятие.

Историческая наука — прежде всего рутинная «черновая» работа, и сенсации в ней редки. Учёные вынуждены скрупулезно собирать, анализировать и сопоставлять данные археологии, лингвистики, антропологии, этнографии…

Зато глубокое и объективное знание исторического прошлого позволяет поддерживать и укреплять связь времён, наиболее ценные социокультурные традиции. Обществу в целом это помогает избавиться от наивности и доверчивости, обуславливаемых исторической неосведомлённостью о прошлом собственного государства и его влиянии на реалии наших дней.

Сергей СТАКУТИС, старший преподаватель кафедры управления человеческими ресурсами, СФУ

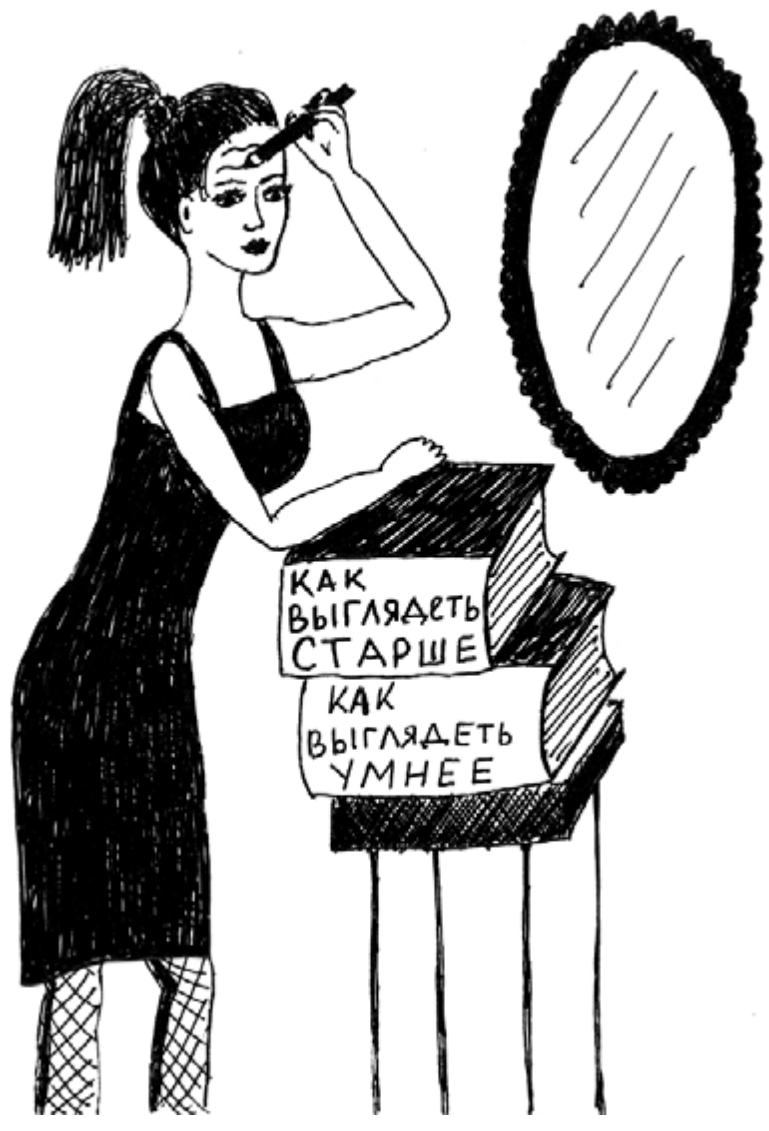


Рисунок Екатерины ЩЕРБАКОВОЙ

По пути Гогена

В детстве я хотела стать кондуктором в трамвае, потом балериной, а потом художником. Первые две мечты как-то отпали сами собой, а вот последняя преследовала меня довольно навязчиво. В 10 классе поступила в вечернюю художественную школу, мне очень нравилось рисовать, да и атмосфера была прекрасная. Я, конечно, мечтала в Суриковское училище, но, испугавшись, что рисованием денег не заработаешь, пошла в журналисты. Вернулась к живописи я только спустя 14 лет, поступив в ту же самую вечернюю художественную школу для взрослых. Конечно, я волновалась, не поздновато ли уже становиться за мольберт. Но, как оказалось, в нашей группе я была одной из самых юных учениц!

Вернуться к рисованию мне помогли две вещи. Одна из них — беременность: появилось много свободного времени, плюс я хоть на какое-то время осела в одном месте и перестала путешествовать. И ещё в гостях у друга-дизайнера мне в руки попала книга Джулии КАМЕРУН «Путь художника», прочитав которую, я отбросила свои страхи и сомнения, а также признала, что рисование всегда было моей заветной мечтой, и надо хотя бы попытаться её осуществить…

Слишком поздно не бывает!

Когда я говорю о том, что хожу в художественную школу, очень многие, в том числе и люди в возрасте, говорят с огоньком в глазах: «Я вот тоже всю жизнь мечтала рисовать. Но, конечно, уже поздно!»

А вот председатель Красноярского краевого отделения Союза художников России Сергей АНУФРИЕВ уверен, что никогда не поздно. Он приводит в пример великих. Так, ГОГЕН был преуспевающим банкиром почти до 30 лет, но бросил эту деятельность и стал всемирно известным художником (а стал бы он великим финансистом — неизвестно…). Михаил ВРУБЕЛЬ закончил вначале юридический факультет, но особых успехов на этом поприще не добился, зато стал великим художником. И вообще, ранний старт не гарантирует успеха: что, все, начавшие рисовать в пять лет, прославились?

Стремиться узнать что-то новое можно в любом возрасте. Вон, бабуля в США поступила в университет, когда ей было за 80 лет, в 90 закончила и заявила: «Я ещё работу по специальности найду!».

Сергей Ануфриев отмечает: «Дело ведь не в известности. Важно, что в душе. Даже если заниматься для себя, в качестве хобби, это даёт очень много. Я в студенческие годы вёл студию на КРАЗе. Работяги приходили со смены и рисовали. Они это делали с таким энтузиазмом, это была для них настоящая отдушина!

Можно всю жизнь сидеть на одном месте и никуда не двигаться, а можно воплощать мечты и стремиться к совершенству. В любом возрасте».

Заведующая отделением живописи Детской художественной школы №1, преподаватель с тридцатилетним стажем Елена ГРАЧЁВА также считает, что учиться рисовать можно в любом возрасте. Не случайно и в художественном училище нет ограничений по возрасту.

«Сейчас из-за того, что омолаживается контингент вечерней художественной школы, даже стал падать уровень художественного образования. Раньше сюда ходили преимущественно мужчины за 40, которые гораздо более серьёзно и ответственно подходили к обучению, чем молодёжь», — отметила преподаватель.

Она также подчеркивает, что в искусстве главное — не известность и награды, а удовлетворение от процесса: «Это как поход в горы: более важен сам процесс, а не то, сколько вершин ты покорил. Главное — дышать этим, жить этим, творчество должно быть в радость».

Фундамент под готовый дом

Георгий всю жизнь проработал столяром-краснодеревщиком, сам проектировал свои заказы, разрабатывал конструкцию и дизайн. Но только на пенсии «руки дошли» до того, чтобы пойти учиться рисовать.

«Как будто всю жизнь я строил дом без фундамента, а теперь фундамент под него подкладываю, — говорит он. — Раньше, чтоб сделать какую-то вещь, мне приходилось изготовливать примерно семь пробных вариантов. Надеюсь, что после обучения в художественной школе ошибок станет меньше, и мне уже хватит шести вариантов (*смеётся*)».

Хотя творческий путь Георгия, как и у большинства, начался в далёком детстве. Как-то раз он нарисовал Ленина, портрет выставили в библиотеке. Ещё в классе был один товарищ, который мастерски вытягивал хорошие оценки из учителей, притворяясь, что очень интересуется предметом. Так Георгий как-то раз одной линией нарисовал на парте шарж на подлизу. Тот подошёл посмотреть, над чем все смеются, и сразу ту дощечку от парты отодрал — значит, узнал!

«Моя основная цель: стать грамотным, научиться рисованию в классическом понимании этого слова. Музыкант может быть талантом от Бога, но если он не знает сольфеджио, ему будет трудно, — рассказывает Георгий, мой сегодняшний одногруппник. — Мне уже немало лет, и есть, что сказать. Вот через художественные образы я и хочу донести свои мысли до людей. И если хотя бы одна чёрточка кому-то понравится, покажется красивой, я буду знать, что творил не зря!»

Рисование для парикмахеров

Елена Грачёва: «Очень часто рисование — это нереализованная детская мечта. Родители были технари или спортсмены, отдали ребёнка на кружки, которые бы предпочли сами — моделирование, лыжи, плавание; а ему потом всю жизнь чего-то не хватало».

Например, одна из учениц Елены Анатольевны получила образование бухгалтера, работала по специальности, но чувствовала постоянное недовольство, становилась всё более раздражительной. Дело дошло до истерик и нервных срывов. Тогда женщина нашла курсы по рисованию, параллельно окончила школу кройки и шитья. А затем открыла своё ателье и стала успешным модельером.

«Бывает также, что люди отдали всю жизнь совсем другой профессии, а на пенсии вспоминают, что когда-то хотели творить», — продолжает свой рассказ преподаватель. Другая её ученица закончила художественную школу уже в пенсионном возрасте, открыв блестящий талант и даже став членом Союза художников. И таких примеров немало. Ещё одна выпускница вечерней группы ежегодно устраивает выставки и продаёт свои картины.

Приходят в вечернюю школу и люди творческих профессий. Парикмахеры учатся рисовать, чтобы повысить своё мастерство. Тут они получают больше знаний о цвете, о форме, о пластике линий. Мастера маникюра тоже обучаются, ведь чтобы расписывать ногти, нужны художественные навыки. Театральные швеи, костюмеры получают здесь художественное образование и вдохновение. Для них особенно полезно декоративное направление, искусство составления узоров.

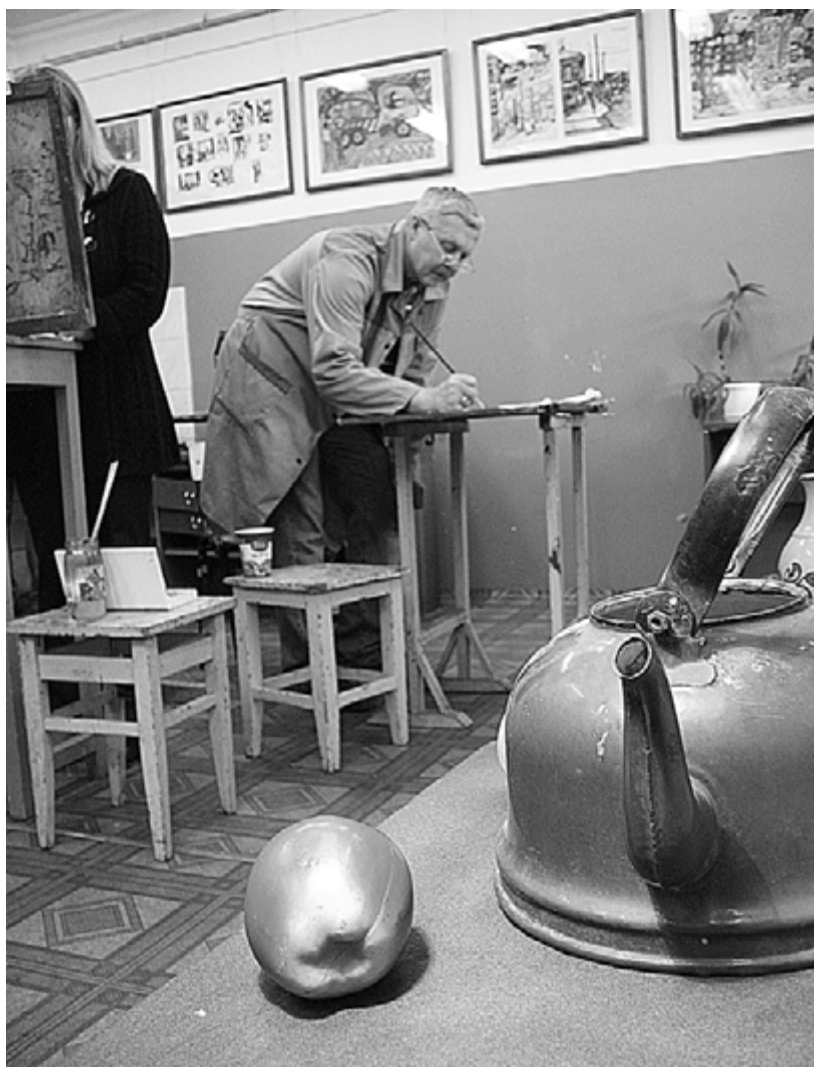
Космическая скорость

«Взрослых не надо заставлять работать, они сами рвутся, стремятся получить как можно больше знаний, — говорит преподаватель детской художественной школы Евгений САЗОНОВ, который ведёт занятия в нашей вечерней группе. — Этим они выгодно отличаются от детей, которых надо постоянно мотивировать. Со взрослой же группой чувствую большую отдачу, а если человек с желанием работает, то быстрее научится».

Действительно, я с удивлением обнаружила, что можно довольно быстро научиться неплохо рисовать. Когда я начала заниматься в студии, преподавательница вначале всё время меня критиковала, указывала на ошибки. Я даже вначале считала, что она ко мне слишком строга, и хотела уйти. Но потом она заметила, что я жду ребёнка, и стала меня только хвалить! А вскоре и картины стали лучше. Позанимавшись полгода, я на «пятёрки» сдала вступительные экзамены в художественную школу. А сходив на три занятия на пленэре, где мы писали пейзажи, летом уже рисовала на Иссык-Куле, и все хотели в подарок мою картину, а одна работа даже уехала в Тайвань.

За те пять месяцев, пока мы занимаемся в нашей группе, я вижу, как на глазах растёт уровень работ моих товарищей.

Георгий, например, рассказал: «Вначале на уроках живописи мне было вообще ничего не понятно, хотелось просто встать, попрощаться и уйти. Но постепенно я стал понимать, куда смотреть и что делать, появилась уверенность в своих способностях».



Елена Анатольевна отмечает: «Взрослые уже осознанно пришли в рисование, они стараются больше. Но при этом у детей есть свои плюсы — они не задумываются, ещё нет шаблонов — показываешь какой-то приём, его повторяют и могут так довольно быстро выйти на высокий уровень. Но если взрослые слушают преподавателя, стараются не следовать обычным шаблонам, то прогресс очень быстрый, в 2-3 раза быстрее, чем у детей».

Художественное зелье

Елена Грачёва рассказала, что к ней на занятия ходит девушка, которая закончила архитектурный факультет и работает по специальности. Занятия живописью помогают ей обогатить себя эмоционально, стать более уравновешенной, реализовать творческий потенциал.

Волшебное воздействие живописи на психику почувствовала и я на себе. За полтора года сидения с ребёнком дома я впала в какую-то спячку, перестала следить за собой, привыкла всё внимание уделять малышу.

Художественная школа стала для меня настоящей отдушиной. Поначалу даже просто когда я ехала туда в автобусе, то отдыхала и была счастлива, что могу побыть одна, и никто не требует моего внимания. Ну, а сами занятия любимым делом, ощущение того, что исполнилась заветная мечта — дали столько позитива, что я прям-таки вернулась к жизни. Сходила к парикмахеру, накупила новой одежды, стала больше общаться, ходить на выставки, поэтические вечеринки и рок-концерты… Сразу появились новые друзья, посыпались предложения о подработке. А затяжная депрессия сменилась прекрасным настроением.

В жизнь моих нынешних однокурсников учёба рисованию также привносит позитив.

Сергей Степаныч — технарь, теплоэнергетик. В детстве рисовал, затем оставил своё увлечение на несколько десятков лет. И вдруг случайно увидел вывеску художественной студии для взрослых… Он начал заниматься в студии, а затем поступил в вечернюю художественную школу.

«Когда у меня плохое настроение, то и на картинах дождь, пасмурная погода. А когда хорошее — то солнце, — рассказывает Сергей. — Но пока рисуешь, отключаешься от всех проблем и забываешь о плохом настроении. Дождь остаётся на бумаге, а ты уже спокоен!»

Для некоторых не менее, чем творчество, важно само общение, оно помогает расслабиться после работы и дневной суеты. Евгений Сазонов отмечает: «Люди приходят сюда, в том числе, чтобы отдохнуть от работы, от быта. Но расслабиться не в лености, а в труде, в творчестве».

Ещё один студент нашей группы — Юрий — руководитель крупной фирмы. Он всегда развлекает нас, благодаря блестящему чувству юмора. Юрий говорит, что на работе очень нервная обстановка, а художественная школа помогает отдохнуть от всего. «Здесь подобралась замечательная группа, и даже если я шучу на грани фола, все понимают. Это для меня как отдушина», — поделился Юрий.

Но, как и все, он пришёл сюда не только общаться: «Драться умеют многие, а в бокс идут для того, чтобы освоить приёмы, технику. Вот и я хочу обучиться графике, композиции, рисунку, — говорит Юрий. — У меня уже дети и внуки. Возможно, у них не будет времени или желания заканчивать художественную школу. А я смогу им преподать основы изобразительного искусства».

Настоящая роскошь

Но как же быть с материальным — можно ли зарабатывать своим любимым делом? Пока не знаю точно. Но что-то мне подсказывает, что когда человек очень любит то, чем занимается, то он со временем достигает таких высот, что становится востребованным. Если же он делает что-то только ради денег, то так и остаётся посредственностью.

Высокие идеи — это хорошо, но что на практике? Подружка, например, предложила мне расписать стену у неё в квартире. Думаю, что смогу, ведь на уроках декоративно-прикладного творчества мы научились различным приёмам росписи. А рисунки на стенах — очень популярное и высокооплачиваемое направление в Красноярске…

Лена из нашей группы даже не сомневается, что умение рисовать может приносить деньги. Это она видит на примере дочери, которая тоже закончила художественную школу: «Смотрю на дочь, и вижу, что ей рисование пригождается, к примеру, в подработке. Она вполне может создавать картинки для визиток, рекламных объявлений, в общем, иллюстратором подрабатывает. Не говоря уж о том, что выражает себя и своё настроение в рисунке», — рассказала Елена.

Сама она хорошо рисовала с детства. Но мама воспитывала детей одна и не могла возить на рисование. Об увлечении пришлось забыть на долгие годы, и профессия у Лены совсем не творческая — заведующая складом электрооборудования и запчастей на заводе цветных металлов. Между тем, собственная дочь после художественной школы поступила в университет, у мамы появилось свободное время, и она решила, что тоже хочет творить — либо фотографировать, либо рисовать, а лучше и то, и другое.

Итак, отбросьте комплексы насчёт возраста и реализовывайте свои мечты! Творите, рисуйте, танцуйте, учитесь музыке. Внутренний художник за это наградит вас отличным настроением, а открывшийся творческий потенциал поможет во всех остальных областях жизни. Кстати, экзамены в вечернюю художественную школу будут в конце мая. Ещё можно успеть найти преподавателя и к ним подготовиться!

Екатерина ЩЕРБАКОВА

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
АПРЕЛЬ 2012 Г.

Искусство лает и рисует фиги

Представьте себе задачку: определить поколенческие произведения в российском искусстве рубежа 20-21 веков и назвать самое важное, что случилось в последние десятилетия? Пожалуй, это слишком сложный вызов. Ведь в совокупности история современного российского искусства ещё не прописана — есть редкие аналитические статьи да пара книг об отдельных феноменах в этом искусстве.

Но я решила попробовать, преследуя две цели. Во-первых, в принципе широкому кругу людей эта история неизвестна, и есть повод что-то из этой области рассказать; во-вторых, если мой выбор и будет спорным — конфликтная (в хорошем смысле слова) ситуация только полезна. Наконец, всегда интересно, в каких образах наше время останется в истории.

Наверное, правильно было бы начать с искусства семидесятых, где всё вроде бы понятно: везде правит «советский реализм». Хотя относиться к нему предвзято, не замечая его странных эстетических открытий, тоже неверно. Но сейчас не об этом. Начнём с семидесятых, потому что именно в это десятилетие неформальное искусство стало постепенно, а порой довольно скандально, выходить из подполья. А дальше именно из этого андеграундного потока и сформируется искусство, которое назовут современным.

Так, например, 15 сентября 1974 года в Беляево состоялась «бульдозерная выставка», где скромное количество произведений пришли прогонять и вычищать с помощью, понятно, бульдозеров, вертолётов и самосвалов. Событие важное, скорее, как прецедент первого прямого столкновения с неофициальным искусством, так как, по словам очевидцев, особых картин-шедевров на выставке не было (одну хаотичную абстракцию с той выставки мне пришлось встретить в сумасшедшей коллекции ярославской художницы Ариадны СОКОЛОВОЙ).

В этой выставке принимали участие художники Виталий КОМАР и Александр МЕЛАМИД, которые считаются создателями аналога американского поп-арта — соц-арта. Произведения этого направления представляли собой российский вариант постмодернистской идеи, которая заключалась в ироничном обращении с любой идеологической системой ради разрушения тоталитарных принципов мышления, а также свободном соединении разноположенных дискурсов. Так, американский поп-арт иронизировал над культурой перепроизводства и потребления, а соц-арт — над советской идеологией.

Помимо В. Комара и А. Меламида соц-арт проявился в творчестве таких художников, как Эрик БУЛАТОВ, Александр КОСОЛАПОВ, Дмитрий ПРИГОВ, Григорий БРУСКИН и др. Итак, поколение художников семидесятых годов в России — это противостояние тоталитарной идеологии. Например, на картине Комара и Меламида «Что делать?» в соцреалистической эстетике изображены задумавшийся над извечным вопросом (судя по книге в руках) юноша и мужчина в военной форме, указывающий ему на красный занавес как на избавление от всех бед.

Но более хрестоматийным произведением соц-арта стала картина Эрика Булатова «Горизонт», где молодые люди дружно направляются к морю. И до середины — это вполне реалистическое изображение с молодёжными радостями страны Советов (дружба, надежды, море, солнце). А после разделительной полосы абстрактного красно-золотого горизонта есть только градации голубого цвета. Вполне себе икона переходного времени между реалистическим искусством Советского Союза и абстрактным искусством Запада, между различными мировоззренческими подходами.

В восьмидесятых искусство стало более поэтичным. И направленный на политическую ситуацию соц-арт перестал определять его развитие — произведения этого направления стали более популярны на Западе, нежели в России, а некоторые его представители перебрались в США на ПМЖ.

В 1979 году теоретик искусства Борис ГРОЙС ввёл в историю российского искусства новый термин «московский концептуализм», который объединил творчество таких художников, как Илья КАБАКОВ, Павел ПЕПЕРШТЕЙН, арт-групп «Коллективные действия» и ТОТАРТ и многих других. Произведения этих художников связаны с творчеством вне художественной системы, со свободным созданием произведений искусства в городском пространстве или, чаще, на природе, для узкого круга зрителей. Важно обозначить, что в это время живопись, по сути, перестаёт быть ведущим видом искусства, появляются новые виды и жанры — перформансы, акции, тотальная инсталляция и др.

Арт-группа «Коллективные действия» (основные представители — Андрей МОНАСТЫРСКИЙ, Игорь МАКАРЕВИЧ, Елена ЕЛАГИНА, Георгий КМЗЕЛЬВАЛЬТЕР, Андрей АБРАМОВ и др.) совершала «поездки за город» для художественно-поэтических действий. Например, размещала поэтические концептуальные лозунги среди деревьев или проводила загадочные представления на грани театра и имаджинариума (такая игра, где нужно придумывать ассоциации к необычным картинкам). Текст и слово, как и во всём мировом концептуальном искусстве, имели первоочередное значение. Не удивительно, что акции этой арт-группы сегодня представлены в музеях и на аукционах в качестве конвертов или бумажек с надписями.

В качестве примера: в 1983 году состоялась акция под названием «Выход», которая описана на сайте группы следующим образом: «Группа зрителей была встречена двумя организаторами акции на остановке 3 и 23 троллейбусов «Пушкинская улица». Когда все приглашённые собрались на остановке, им было предложено сесть в троллейбус. Проехав одну остановку, организаторы раздали зрителям бумажные карточки с надписью: «НА СЛЕДУЮЩЕЙ ВЫХОДИМ. Коллективные действия». Сойдя на следующей остановке («Козицкий переулок»), зрители получили от ожидавших их там других организаторов акции конверты с надписью: «В Ы Х О Д состоялся 20 марта 1983 г. в 12 час. 24 мин. (заполнялось от руки во время выхода зрителей). Благодарим за участие в его организации». В эти конверты зрителями были вложены врученные им в троллейбусе карточки, для которых конверты явились своего рода рамой или обложкой».

Другой пример московского концептуализма, который невозможно не упомянуть в связи с близостью сибирским реалиям, был совершен арт-группой ТОТАРТ (Наталья АБАЛАКОВА и Анатолий ЖИГАЛОВ). Авторы растянули посреди снежного поля за городом плакат с надписью «На таком холоде искусство немыслимо». Конечно, в данном случае имелись в виду политические реалии того времени: искусство во время холодной войны, противостояния России и Америки (тем более, что надпись можно было увидеть только с неба — какими-нибудь спутниками). Тем не менее двусмысленность фразы заставляет задуматься о том, почему в Сибири не наблюдается культурного расцвета.

Но, кажется, наиболее значительным произведением искусства восьмидесятых стала инсталляция Ильи Кабакова (впоследствии ставшего одним из самых известных современных российских художников, который, как и полагается, живёт в США) — «Человек, который улетел в космос из своей квартиры» (1981–1986). С одной стороны, инсталляция действительно репрезентирует всю эту советскую эпоху с мечтами о полётах в космос, кумиром Юрием ГАГАРИНЫМ на фоне бедных коммунальных квартир. А с другой стороны — в новом жанре инсталляции создан поэтический романтический образ.

Девяностые годы приобрели устойчивый эпитет «лихие» и, действительно, ассоциируются с жёсткими перестройками в стране. Поколенческие настроения этого времени отражены скорее в кинематографе — раскрепощение нравов, криминализация общества, как в фильме «Брат». Впрочем, в изобразительном искусстве появлялись не менее агрессивные и жёсткие образы. Можно упомянуть в данном контексте Владимира ДУБОССАРСКОГО и Александра ВИНОГРАДОВА, которые эксплуатировали художественный язык социалистического реализма (продолжая в этом случае традицию соц-арта) и создавали образ современности со всей красотой массовой культуры: кинокумирами, певцами, политическими деятелями и т.д. Экспериментируя с форматами живописи, они создали собственный принцип — собирать одну огромную картину, постепенно подставляя к первому холсту всё новые и новые.

Но самым заметным художником девяностых годов, конечно же, является Олег КУЛИК, который работал в нескольких ипостасях: и как современный скульптор (использовал новые материалы для создания своих арт-объектов — например, прозрачный плексиглас), и как куратор; но наибольшую известность приобрёл как перформансист.

В 1993 году он продолжил извечную тему в искусстве — исследование соотношения животного и рационального начал в человеке — и на время проведения собственного перформанса превратился в собаку. Во время действия ассистенты выгуливали художника, научно исследовали его реакцию на различные фильмы и книги и т.д. Произведение-действие было посвящено одной из самых известных историй в мире российской науки — экспериментам И.П. ПАВЛОВА над собаками, а также отсылало к истории человека-собаки из книги М.А. БУЛГАКОВА «Собачье сердце». Со своим перформансом Олег Кулик побывал практически во всех странах и стал известен как «человек-собака» по всему миру, несмотря на то, что помимо собаки имитировал также птиц, корову, читал проповеди рыбам. Таким образом, окончательным высвобождением животной природы в человеке — после двухсотлетия культа разума, начиная с эпохи Просвещения, — запомнятся девяностые.

Что касается двухтысячных, то здесь, похоже, даже не надо отвечать на вопрос: а кто ж был самым влиятельным художником в этот период? Арт-группа «Синие носы» уже всех опередила, создав ретроспективную выставку своих работ под названием «Смотри, как мы сделали искусство 2000-х». Эта выставка была представлена и в Красноярске в прошлом году на музейной биеннале «Во глубине». В её фотографиях обобщается всё — опять-таки постмодернистское — творчество «Синих носов». Здесь и «Кухонный супрематизм» — воспроизведение живописи иконы русского авангарда Казимира МАЛЕВИЧА с помощью наиболее потребляемых продуктов питания — хлеба, колбасы и сыра. И пересмешнические короткие перформансы; и провокационные снимки с самыми неудобными политическими фигурами XX века, и т.д.

Но если говорить об искусстве начала XXI века, нельзя остановиться только на перформативных практиках, акциях и фотографии. В это время основополагающее значение приобретает видеокультура, а кинематограф выступает практически стилеобразующим началом для визуальных искусств. В качестве наиболее впечатляющего произведения видеоискусства начала XXI века можно привести творчество арт-группы АЕС+Ф, которая создает масштабные видеофрески (в идеале видео проецируется с нескольких проекторов, создавая полукруглое пространство, в которое погружается зритель). В этих фресках художники объединяют классическое культурное прошлое и по его мотивам создают на экране новый «непонятный» мир с отчасти апокалиптическими настроениями.

Так, в видео «Пир Тримальхиона» (2009) красивые богемные персонажи оказываются затопленными на одиноком острове посреди океана — может быть, в туристическом раю. Другая видеоинсталляция «Allegoria Sacra» (2011) создана по мотивам загадочной картины Джованни БЕЛЛИНИ эпохи Возрождения: перед зрителем разворачиваются странные события пребывания современных типологических персонажей в аэропорту, на который наступают самолёты — китайские драконы, рождается человек нового мира — полускорпион. В конечном счёте, мир опять предстаёт затопленным под водной гладью, по которой безвольно дрейфуют и самолёты, и космические корабли. Этакая визуализация эсхатологических настроений и размышление о синтетической природе человека начала XXI века. Как раз в продолжение к человеку-собаке Олега Кулика: человек будущего, который успешно заимствует у животного мира полезные качества — вплоть до биологической трансформации.

Пожалуй, названных произведений вполне достаточно для обозначения основных трендов последних десятилетий. Единственное, что хотелось бы упомянуть: в начале 2010-х мы возвращаемся к тому, с чего начинали. Если соц-арт семидесятых был реакцией на политическую ситуацию, то сегодня можно наблюдать возрождение политического искусства с призывом изменить окружающую, прежде всего, социальную реальность. Здесь не надо далеко ходить за примерами, практически все из них на слуху. Как минимум — арт-группа «Война».

Александра СЕМЕНОВА

↑ Тотарт. Наталья Абалакова и Анатолий Жигалов. На таком холоде искусство немыслимо. 1985
→ Синие носы. Кухонный супрематизм. 2005-2006
↓ В. Дубоссарский и А. Виноградов. Пленэр. Картина для школы. 1995
↘ Эрик Булатов. Горизонт. 1971-1972

↓ Олег Кулик. Русское (Красная площадь). 1999
→ В. Комар, А. Меламид. Что делать из серии «Ностальгический соцреализм» . 1981-1983